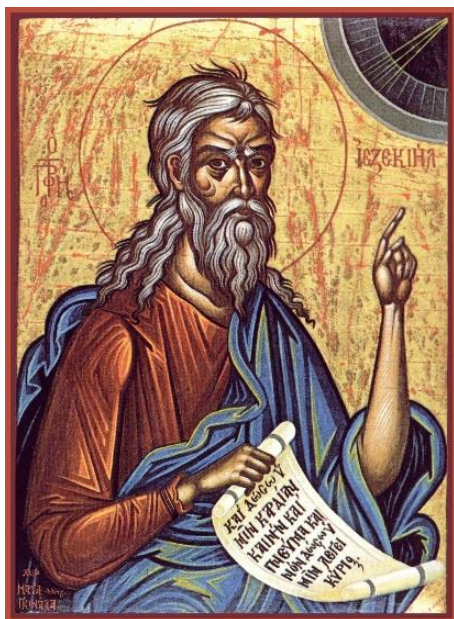

Память 03 августа (ст. стиль 21 июля)

Житие святого пророка Иезекииля

Святой пророк Иезекииль происходил из еврейского города по имени Сарира. Он был сыном Вузия, от племени Левиина, и священником Бога Вышнего. Во время второго Иерусалимского пленения он был отведен Навуходоносором¹ в плен в Вавилон² вместе с Иоакимом, царем иудейским, названным Иехониею Вторым (4Цар.24:1). Трижды взят был Иерусалим Вавилонским царем Навуходоносором: в первый раз во дни иудейского царя Иоакима (который в священном Писании называется также Елиакимом (4Цар.23:34)), сына Иосии, брата Иоахаза и Седекии, отца другого Иехонии; он первый был отведен Навуходоносором в узах в Вавилон; тогда же был отведен в плен и святой пророк Даниил³ с тремя отроками, Ананией, Азарией и Мисаилом. Но в скором времени Навуходоносор отпустил Иоакима вновь царствовать в Иерусалим, сделав его своим данником. Процарствовав в

Иерусалиме три года под властью Навуходоносора, Иоаким, по истечении этих трех лет, отложился от него, не пожелав платить ему дани. Поэтому снова пришло на Иерусалим Вавилонское войско, святой город был взят, царь Иоаким убит и брошен за городом на съедение псам, а на его место по повелению Навуходоносора поставлен был царем сын его, тоже Иоаким, которого называли и другим отцовским именем – Иехониею, и сделали его вторым Иехонией, таким же данником вавилонского царя, каким был прежде его отец. Но так как и этот другой Иехония в очах Господа Бога делал зло, то, по попущению Божию, в непродолжительном времени Навуходоносор снова пришел на Иерусалим и взял в плен Иехонию со всем домом его, увел множество знатных людей, храбрых мужей, всех, кто был способен носить оружие, различных художников, взял также золотые церковные сосуд: это было второе Иерусалимское пленение. В это пленение взяты были: святой пророк Иезекииль, Мардохей и Иоседек, отец Иисуса, обновившего потом с Зоровавелем разоренный Иерусалимский храм. Третье же и последнее разорение и опустошение Иерусалима Навуходоносором было во дни царя Седекии⁴, которого Навуходоносор поставил царем вместо Иехонии, наложив на него дань. Но когда и Седекия сверг с себя иго Навуходоносора, тогда тот же Навуходоносор, придя со всем халдейским войском, окончательно разорил Иерусалим, истребив его огнем и мечем, а оставшийся народ увел в плен. С того времени перестало существовать как царство Иудейское, так и всё царство Израильское. Это третье разорение Иерусалима Навуходоносором подробно описано в житии святого пророка Иеремии⁵.

Находясь в плену Вавилонском, иерей Божий Иезекииль жил близ реки, называемой Ховар; и явилось ему дивное видение на тридцатом году его жизни, в пятый год по взятии в плен Иехонии, в четвертый месяц⁶, в пятый день этого месяца: он видел отверзшиеся небеса; с севера дул сильный ветер и шло оттуда великое и пресветлое облако; посреди его двигалось пламя, а кругом было блестящее сияние; из этого облака явилось подобие четырех животных, с виду похожих на чистую, раскаленную в огне медь. Каждое животное имело по четыре лица: лицо человека, льва, тельца и орла. Кроме того у них было по четыре крыла, а под крыльями – человеческие руки; два крыла были простерты для полета, двумя другими они покрывали свои тела; огонь клубился между животными, и молния исходила из огня. Видны были также четыре больших колеса, по одному при каждом животном; колеса эти с виду были как камень фарсис цвета лазурного, как море, с золотым отблеском,

производимым солнечными лучами. В этих колесах виднелись еще как бы другие колеса; все эти колеса, как бы одушевленные, имели в себе силу жизни и отовсюду полны были глаз, а четыре животные, казалось были впряжены в эти колеса, как в колесницу; и когда двигались животные, двигались вместе с ними и колеса; когда же животные стояли, стояли и колеса. Во время шествия от крыльев их слышался шум и звук, как бы звук многих вод, как бы шум многолюдного стана. Когда же они стояли, безмолвствовали и крылья их. Так стояли они и безмолвствовали, когда с высоты доносился глас Божий. Ибо над этими четырьмя животными и колесами виднелся небесный свод, подобный кристаллу, и на своде – престол, как бы из сапфира, а на престоле пресветлый образ человека и кругом него сияние наподобие радуги, которая светится в облаках в дождливый день.

Такое видение славы Господней имел святой пророк Иезекииль. В нем, по толкованию мужей богомудрых и боговдохновенных, пресветлый образ человеческий на сапфировидном престоле прообразовал воплощение Сына Божия в утробе Пречистой Девы, Которая была одушевленным престолом для вочеловечившегося от Нее Бога и была прообразована этим сапфировидным престолом; потому что драгоценный камень сапфир, похожий своим светлым цветом на небо и заключающий в себе, как небо, звезды, золотистые частицы, служит образом Пресвятой Девы Марии, в Которой, как и в небесном естестве, нет ни единого порока; чрево Которой явилось пространнее небес, вместивши в себе Невместимого, и Которая, как звездами, украшена многочисленными дарами Божией благодати; четыре животные с четырьмя лицами прообразовали четырех святых Евангелистов, из коих каждый, описывая жизнь Христову с людьми на земле, изобразил Его человечество, прообразуемое в этих животных лицом человеческим; Божество Христово, обнаруживаемое лицом льва; страдание Христово, указуемое лицом тельца; воскресение и вознесение Христово, изображаемое лицом орла⁷. Четыре колеса со множеством глаз, в которых виднелись и другие колеса, были образом четырех частей вселенной, заключающей в себе различные народы; проникнув туда, проповедь апостольская отверзла многим народам духовные очи к познанию и созерцанию Бога; огонь же, двигавшийся посреди виденного откровения, и великое сияние вокруг него являли величество неприступной славы Божией. Также и другие духовные тайны были прообразованы в том дивном и страшном видении, при созерцании которого святой Иезекииль от ужаса пал ниц на землю и слышал свыше от Сидящего на престоле в подобии человеческом голос, говорящий ему:

– Сын человеческий, встань на ноги твои и я буду говорить с тобою.

И вошла в него какая-то невидимая сила, которая подняла его с земли и поставила на ноги.

Когда пророк с трепетом стал перед славою явившегося ему Господа, Господь сказал ему:

– Сын человеческий! Я пошлю тебя к дому Израилеву, к людям, огорчающим Меня, которые оскорбили Меня; они и отцы их отреклись от Меня до самого нынешнего дня; это люди с огрубелою душою и жестоким сердцем: к ним Я пошлю тебя, и ты скажешь им слова Мои; не утрашишь лица их, если они и рассвирепеют и окружают тебя, как скорпионы (Иез.2:3-4).

Когда Господь это говорил, Иезекииль увидал простертую к себе руку и в ней книжный свиток; рука та развернула перед ним этот свиток, и было в нем написано внутри и снаружи: "Плач, стон и горе".

И сказал ему Господь:

– Сын человеческий! съешь этот свиток и иди скажи сынам Израилевым то, что Я прикажу тебе (Иез.3:1).

Иезекииль, открыв уста свои, съел этот свиток, и он был в устах его сладок, как мед. С того времени Иезекииль исполнился пророческого духа и благодати, и всё, что потом говорил ему Бог, он принимал в сердце свое. Когда же стало удаляться от очей его это чудесное видение, он услышал голос, как бы голос многочисленной толпы, говорящий:

– Благословенна слава Господня от места Его!

При этом и шум крыльев парящих животных и двигающихся колес был похож на шум великого землетрясения. Так эта страшная колесница славы Божией ушла вверх с глаз его, и видение окончилось. После этого видения пророк семь дней провел в молчании, размышляя о виденном и слышанном. И снова было к нему слово Господне, говорившее:

– Сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву, и ты будешь слушать слово из уст Моих и будешь вразумлять их от Меня. Когда я скажу беззаконнику: "смертию умрешь!", а если ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих. Но если ты вразумлял беззаконника, а он не обратился от беззакония своего и от беззаконного пути своего, то он умрет в беззаконии своем, а ты спас душу твою.

Затем, будучи выведен духом в поле, Иезекииль снова увидел славу Господню, как и прежде, и приказано ему было запереться в доме своем и пребывать в молчании до тех пор, пока Господь не прикажет ему открыть уста, чтобы говорить и проповедовать слова Божии. В это время молчания ему открыта была предстоявшая через несколько лет последняя осада и разорение Иерусалима халдеями и гибель народа для того, чтобы он не только словом возвестил об этом людям, но чтобы изобразил это и делом: ему приказано было Господом обрить голову свою и бороду и разделить волосы свои, размерив их весами на три части; одну часть – сжечь огнем перед глазами тех людей, которые были вместе с ним в плену, другую часть волос изрубить мечом, а третью – развеять по ветру, указывая (этим) на то, что гнев Божий, намереваясь покарать в Иерусалиме и во всей Палестине людей Израильских, не желающих обратиться к истинному покаянию и не оставляющих мерзостей идолослужения, разделил их своим праведным судом на три части, чтобы каждая часть понесла свое наказание: так, часть людей во время осады Иерусалима умрет от голода и моровой язвы, другая часть падет от меча халдеев, а третья – рассеется по вселенной. Всё это потом и сбылось, так как народ еврейский сильно разгневал Бога, – ибо, хотя в те времена евреи и служили Богу небесному, выведшему праотцев их из Египта рукою крепкою и мышцею высокою, но привыкши со времен Соломона кланяться идолам, они и их не оставляли, прельщаясь их богомерзкими праздниками, во время которых никем не возбранялось им устраивать скверные пиршества и совершать постыдные и незаконные дела, так как и сами цари, и князья, и судьи, и старцы были зачинщиками в этом нечестии. Посему евреи поклонялись и Богу небесному, держались и идолопоклоннического нечестия и ставили идолов в храме Божием, и там, где прежде приносилась жертва самому Единому Вышнему Богу, там потом одновременно совершались скверные жертвоприношения и бесам, что было очень не угодно Господу, ибо уподобляло народ этот прелюбодейке, которая не сохраняет верности своему истинному мужу, но прелюбодействует и с другими. Поэтому-то и в Евангелии Господь сказал потом об этом народе: **"род лукавый и прелюбодейный"** (Мф.12:39); и прежде в пророчестве Иеремии (Иер.3:1) уподобил Бог этот род жене-прелюбодейке и долгое время через святых пророков увещевал его покаяться. Но когда они не покались, Он отдал их на окончательное разорение халдеям и землю их предал запустению на семьдесят лет. Однако, хотя по истечении семидесяти лет Иерусалим и храм были обновлены Зоровавелем, но они уже не имели прежней красоты, богатства и славы; и хотя освобожденные из плена вавилонского евреи и переселились снова в свою землю, однако они управлялись уже не своими царями, но находились под чужим и тяжелым игом, служа чужеземным царям, сначала Вавилонским, затем египетским, потом римским, от которых и погибли окончательно. Об этом конечном разорении Иерусалима предсказал Сам Господь, говоря: **"не останется здесь камня на камне; все будет разрушено"** (Мф.24:2). А о прежнем опустошении от халдеев предвозвещал святой пророк Иезекииль (наряду с прочими святыми пророками).

Во времени святого пророка Иезекииля, находившегося в плену в Вавилонии, в земле халдейской, жил в Иерусалиме святой Иеремия. Хотя оба эти пророка и находились на

далеком расстоянии друг от друга, тем не менее они единодушно предсказывали запустение Иерусалима и многое другое, что раскрывается в их книгах: ибо в обоих пророках действовал Дух Божий; и посылались некоторыми иерусалимлянами пророческие слова Иеремии в Вавилон к пленным братьям, а из Вавилона Иезекиилевы слова посылались в Иерусалим; и свидетельствовал Иезекииль в Вавилоне перед народом своим, что истинно пророчество Иеремиино, а в Иерусалиме Иеремия свидетельствовал истину Иезекиилева пророчества, но ни тому ни другому не оказывалось доверия со стороны развращенных маловерных иудеев, которые, прельстившись идолопоклонством, всецело доверились лжепророкам, а тех святых пророков, которые поистине Духом Божиим пророчествовали, они считали лживыми. Поэтому Иеремию преследовали иерусалимляне, а Иезекииля содержали в мучительных оковах те, кто находились в плену вавилонском, как и Господь предрек ему, говоря: **"вот, возложат на тебя узы и свяжут тебя ими"** (Иез.3:25). Святой Иезекииль был так прозорлив, что видел происходившее далеко от него так, как будто бы оно совершалось на его глазах: находясь в Вавилоне, он видел то, что происходило в Иерусалиме (Иез.8:11, 16), и говорил об этом народу, бывшему вместе с ним в плену. Однажды он был перенесен ангелом из Вавилона в Иерусалим и поставлен в храме Соломоновом, – видел там идолов, стоящих снаружи и внутри, как мерзость запустения на месте святом и совершаемые в честь их скверные богослужения: видел, как старейшины израильские совершают каждения перед кумирами, как священники отвратили лица свои от престола Божия и поклоняются солнцу, а женщины сидят и плачут по Фаммузе, измышленном греками Адонисе⁸, который прелюбодействовал со скверной Венерой⁹, был сражен диким вепрем, язычниками же был причислен к лику богов, а развращенными евреями принят как бог. Видел он также славу Божию наподобие той, какую он прежде видел на реке Ховаре: она, разгневанная, собиралась выходить из храма, оставляя его пустым. И слышал он, как Господь говорил ему:

– Сын человеческий! уже ли не велико то беззаконие, которое, как ты видишь, творят эти люди? они землю наполнили нечестием и сугубо прогневляют Меня (и как бы сговорились прогневить и раздражить Меня); зато и Я отомщу им в ярости Моей, не пощадит их око Мое и не помилует, и хотя бы они взывали в уши Мои громким голосом, – не услышу их.

Затем послышался еще сильнейший голос Божий, взывающий грозно и страшно и так говорящий пророку:

– Приблизилось отмщение и гибель городу, и пусть каждый имеет губительные орудия в руках своих.

Когда Господь сказал это, вышли шесть страшных вооруженных мужей с обнаженными мечами; между ними был муж, одетый в белые священнические одежды, имевший при себе чернильницу и трость писца, и сказал ему Господь:

– Пройди посреди города Иерусалима и сделай знак на челе (мужей) рабов моих, которые скорбят в сердцах своих, воздыхают и плачут о беззакониях, совершаемых в этом городе: этих избранных моих я избавлю от наказания.

И пошел этот благообразный муж в священнической одежде и ставил знак на челе тех людей, которые верно служили истинному Богу. Знак этот был греческая буква, называемая Тау и похожая на честный крест, подобно тому как в нашей азбуке пишется заглавное Твердо. Между тем как этот муж в благолепном иерейском одеянии проходил по городу и отмечал знаком рабов Божиих, вслед за ним посланы были те страшные шесть мужей, прообразовавшие собою шесть военачальников халдейских войск, которые должны были придти с Навуходоносором для истребления Иерусалима; этим шести мужам сказал прогневанный Господь:

– Идите, поражайте, не щадите, не милуйте ни старца, ни юноши, ни жены, ни девицы, ни младенца, но всех избейте до смерти, начиная с освященных иереев и старейшин; а на ком есть знак Мой, к тем не прикасайтесь.

И видел святой пророк в этом видении, что избивалось всякое сословие и возраст народа иерусалимского обоего пола, как потом и на самом деле должно было совершиться. И пал пророк ниц пред Господом, взывая:

– Горе, горе! о тяжело мне, Адонаи Господи, ибо Ты истребляешь остаток Израиля, изливая на Иерусалим ярость Твою!

После этого он снова увидел того благообразного мужа в священнической одежде, который, возвратясь ко Господу, сказал:

– Я сделал, как Ты повелел мне, Господи.

И снова приказано ему было Господом, чтобы он, взяв в пригоршни горящие уголья между колесами херувимов, посыпал их на весь Иерусалим в знак того, что он будет истреблен халдеями не только мечом, но и огнем. После этого восхищения и видения пророк снова очутился в Халдее на своем месте, а виденное им скоро сбылось.

Пророчествовал также святой Иезекииль и о соседних язычниках, посмеявшихся над наказываемым от Бога Иерусалимом, об Аммонитянах, Моавитянах, Едомлянах, Филистимлянах, об Идумее, Тире и Египте, возвещая им такое же наказание Божие, которое должно было постигнуть их через халдеев за то, что они порадовались разорению и опустошению Иерусалима. После того как всё это сбылось, он пророчествовал затем о прекращении гнева Божия на евреев, о возвращении их из Вавилона в свое отечество и о восстановлении и обновлении города и храма; ибо он во второй раз был восхищен рукою Господней в землю иудейскую (Иез.40:5) уже после того, как Иерусалим был разорен и опустошен, и видел во время бывшего ему там откровения, что место, на котором стоял Иерусалим, по повелению Божию размеряется, город и храм Господень создаются и слава Божия наполняет храм свой, как о том подробно написано в его пророческой книге.

Всё это видение было таинственным прообразом нашего освобождения от работы вражией и устроения Церкви Христовой: оно должно было совершиться через явление во плоти Бога, рожденного от Пречистой Девы, Которую сей пророк назвал "вратами заключенными" и непроходимыми ни для кого, кроме Самого Бога (Иез.44:2). Ему же дано было от Бога откровение и относительно воскресения мертвых (Иез.37:1). Он видел, будто рукою Божией он был восхищен и поставлен посреди поля, которое было наполнено множеством человеческих костей, весьма сухих, и все они по слову Божию облеклись плотью, и когда вошел в них дух, ожили и стали на ноги свои, и было их весьма великое множество. И сказал Господь:

– Я открою гробы ваши и выведу вас из гробов ваших.

Кроме того и относительно многих других тайн Божиих, которые должны были с полною ясностью исполниться в последние времена, даны были откровения пророку Божию; он все их предвозвестил и записал в своей книге: кто желает, пусть прочтет там. А мы, сокращая свое повествование, упомянем только, основываясь на свидетельстве достоверных о нем повествователей, что он был также и великим чудотворцем; подобно Моисею он был разделителем вод. А именно, однажды, когда при реке Ховаре собралось к нему множество евреев, напали на них разбойническим образом халдеи; но он своею молитвой сделал то, что вода речная разделилась и открыла сухой путь преследуемым людям, чтобы они могли перебежать на другую сторону. И прошел народ еврейский посуху, халдеи же, дерзнувшие идти за ними тем же путем, были покрыты водами и погибли. Будучи в Вавилонии судьей над коленом Дановым и Гадовым и видя, что они не чтут Господа и преследуют соблюдающих закон Господень, он наслал на их селения змей и гадов, которые поедали их младенцев и скот. Затем, сжалившись над ними, он удалил от них этих змей и гадов молитвою. Во время голода он своими молитвами к Богу умножил людям пищу в изобилии и смертельно изнемогших от голода от врат смерти возвратил к жизни, сам же потом умер мученическою смертью¹⁰. Видя, что его еврейский народ, бывший вместе с ним в плену, сообщается с халдеями в идолослужении и навывает всем нечестивым делам их, он обличал его, увещевал оставить эти беззакония и грозил ему гневом Божиим. Вследствие этого еврейский старейшина, предавшийся халдейскому

нечестию, исполнившись гнева, умертвил его, растерзав его конями. Народ, собрав его растерзанное тело, похоронил его на поле Маур, в усыпальнице Сима и Арфаксада, прародителей Авраама. И собиралось к могиле его множество евреев и возносили они там свои молитвы Богу Саваофу, Которому воссылается слава во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Божий явился еси пророк, Иезекииле чудне, Господне воплощение всем провозвестил еси, сего Агнца и зиждителя Сына Божия являшася во веки.

¹ Навуходоносор – имя нескольких вавилонских царей. В данном случае разумеется Навуходоносор II, сын Набопалассара, – великий восточный завоеватель, покоривший Сирию, Персию и Египет и отведший в плен иудеев; царствовал с 605 г. по 562 г. до Р. Хр.

² Вавилон – столица Халдеи, – один из древнейших и богатейших городов в мире; построен Нимвродом, сыном Хуша или Куша, потомком Хамовым. Расположенный по обеим сторонам реки Евфрата, Вавилон своею формою напоминал четырехугольник, построенный на огромной равнине. Окружность города равнялась 400 верстам; стены были толщиною в 30 аршин, так что по поверхности их могли ехать 6 колесниц рядом. На стенах высились 250 башен, с сотнею ворот, изваянных из меди. Среди города, пересекая реку, тянулся громадный мост, по восточную сторону которого возвышался царских дворец и языческий храм Бела. Впоследствии Вавилон был завоеван персидскими царями Киром, Дарием, Ксерксом и Александром Македонским и был совершенно разорен.

³ Даниил – четвертый из числа "великих" пророков (Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил). Память его 17 декабря.

⁴ Седекия царствовал с 599 г. по 588 г. до Р. Хр.

⁵ Память его 1 мая.

⁶ Т.е. в июнь, считая от марта.

⁷ Соответственно этому в живописи святые Евангелисты символически изображаются, – Матфей под образом человека, Марк под образом льва, Лука под образом тельца и Иоанн под образом орла.

⁸ Адонис считался у древних греков богом посевов и вообще природы.

⁹ Венера – богиня любви и красоты.

¹⁰ Относительно других подробностей из жизни пророка Иезекииля известно, что он жил в своем собственном доме в Тель-Абибе (3:24; 8:1), что он был женат и нежно любил свою жену, что она скончалась внезапно (24:16-18); его пророческое служение продолжалось 22 года. Гробница его, по соседству с древним Вавилоном, до сего времени продолжает привлекать внимание паломников. Сооружение гробницы приписывают царю Иехонии. – Пророческая книга Иезекииля состоит из 48 глав; содержание ее очень богато по разнообразию материала: в ней есть видения, подобию, притчи, аллегории, пророчества и символические действия. Благодаря символически-таинственному характеру некоторых мест книги пророка Иезекииля евреи причисляли ее к сокровенным и не позволяли читать лицам, не достигшим 30-летнего возраста.

Житие преподобных отец наших Симеона, Христа ради юродивого и Иоанна, спостника его

Во дни благочестивого царя Иустиниана¹, когда христолюбивые люди стекались в святой город Иерусалим на праздник Воздвижения честного и животворящего креста Господня², по Божиему промыслению пришли из Сирии³ в Иерусалим на поклонение честному древу Креста – двое юношей. Имя одного – Иоанн, а другого – Симеон; оба знатные и богатые.

Иоанну в это время было от рода 24 года; он имел молодую жену и жил при старике отце, а мать у него уже умерла; а Симеон был еще холост⁴ и имел только вдовую старуху мать, 80 лет. Оба эти юноши, происходившие из одной страны и сдружившиеся между собою в Христовой любви, пробыли вместе в Иерусалиме довольно времени, обходя и поклоняясь святым местам. – Когда они, возвращаясь к себе, спустились в долину Иерихунтинскую и, проезжая подошвой горы, миновали город, то увидели по берегам священной реки Иордана⁵ монастыри. Тогда Иоанн, обратясь к Симеону, спросил:

– Знаешь ли, кто живет в тех обителях?

– А кто в них обитает? – пожелал узнать Симеон.

– Ангелы Божии живут в них, – отвечал Иоанн.

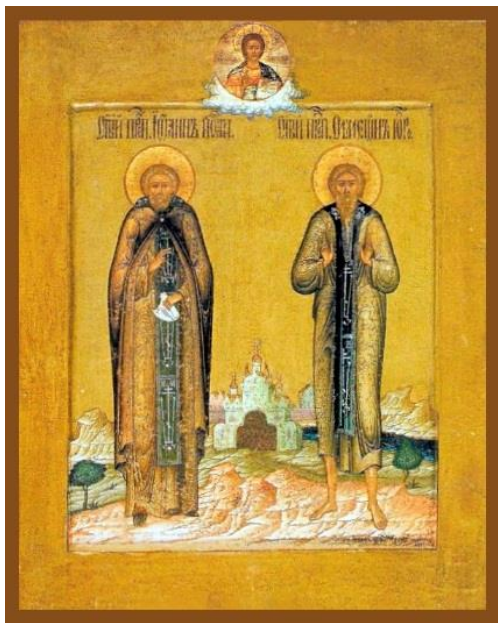
Симеон же, подивившись и вздохнув, спросил:

– А можем мы их видеть?

– Если захотим начать такую же, как они жизнь, – отвечал Иоанн, – то, без сомнения, усладимся лицеизрением и беседою их.

Оба они ехали верхом; теперь же сошли с коней, отдали их своим слугам, приказав:

– Ступайте, не спеша, впереди нас.

Итак слуги вели коней впереди, а они, следуя издали, рассуждали, как бы спасти свои души. Идя понемногу, они подошли к перекрестку: один путь, многолюдный, вел в Сирию, куда и им надлежало идти, а другой путь вел к Иордану, где виднелись монастыри. Указывая Симеону пальцем на дорогу, ведущую к Иордану, Иоанн сказал:

– Вот путь, ведущий к жизни.

А, показывая на дорогу, лежащую по направлению к Сирии, прибавил:

– Этот же путь приводит к гибели. Итак, брат, станем здесь на распутии, помолимся Богу, чтобы Он научил нас, каким путем следует идти.

И, преклонив колена, они начали горячо молиться:

– Боже! Боже! Боже! желающий спасения всему миру! Яви волю Свою твоим рабам и укажи нам путь, которым мы должны идти!

Помолившись довольно времени, Иоанн и Симеон бросили жребий, и жребий выпал идти по дороге, ведущей к Иордану. Тогда преисполнились они великой духовной радости со смирением благодарили Бога. И тотчас забыли о своих родных, – один отца и жену, а другой – мать, презрели свои богатства и как бы за сон сочли все привлекательное и услаждающее в этом мире. И обняв друг друга, облобызались святым лобызанием, и пошли по пути к Иордану, которым действительно, достигли вечной жизни. И устремились с радостью, как Петр и Иоанн к живоносному гробу Христову (Иоан.20:1-10), укрепляя увещевая друг друга: Иоанн боялся, чтобы как-нибудь сожаление о состарившейся матери не отклонило Симеона от доброго намерения, а Симеон точно также боялся за Иоанна, чтобы любовь к молодой жене, подобно тому, как магнит железно, не отвлекла его от предпринятого пути. – Поэтому они обращались друг к другу со словами духовного наставления и утешения. Иоанн говорил Симеону:

– Не унывая и не ослабевая, возлюбленный брат! ибо я надеюсь на Господа, Который возродил нас в нынешний день. Да и какая польза для нас от мирской суеты? Или какую найдем помощь в богатствах в день Страшного Суда? Не скорей ли они повредят нам? Точно также наша юность и телесная красота – разве они всегда с нами? Не изменятся ли от старости и не погибнут ли от смерти? Да мы и сами не знаем, дождемся ли старости, ибо и юноши, не ожидающие смерти, умирают.

А Симеон с своей стороны убеждал Иоанна:

– У меня, брат, нет ни отца, ни братьев, ни сестер; есть одна только родительница моя, уже престарелая, и не столько о ней соболезную, сколько боюсь в своей душе за тебя, чтобы не отвела тебя с этого благого пути мысль о прекрасной и любезной жене твоей, с которой так недавно сочетался ты браком.

Так, беседа между собою, шли они вперед. И о том молили они Бога, да покажет им Свою волю, в каком бы монастыре им постричься. И выбрали для себя такое знамение: в каком монастыре найдут они отворенные ворота, в тот, значит, Бог и повелевает им войти. Случилось им придти в монастырь преподобного Герасима, в котором игуменом был муж боговдохновенный, по имени Никон; ему было возвещено Богом о пришествии этих двух

юношей, возгоревшихся Божественною любовью. Ибо Никон видел в тот день во сне Господа, говорящего ему:

– Встань, отвори двери ограды, да войдут сюда Мои овцы.

Игумен, поднявшись, пошел и отворил монастырские ворота и сел около них, ожидая прихода овец Христовых. Иоанн же и Симеон, приближаясь к монастырю, когда увидели отворенные ворота и у ворот сидящего старца, возрадовались великой радостью. И обратился Иоанн к Симеону:

– Доброе это знамение, брат, – вот монастырь отворен и привратник сидит, как будто нарочно, ожидая нашего прихода.

Когда они приблизились к воротам, игумен встал и сказал:

– Хорошо сделали, что пришли вы, агнцы Христовы.

И приняв их ласково, ввел в монастырь и угостил их пищей телесной и духовной; как странников он успокоил в ту ночь Симеона и Иоанна. Наутро игумен обратился к ним с таким словом:

– Прекрасна и угодна Богу любовь ваша, которую вы к Нему единодушно питаете, о дети! Но вам надо тщательно блюстись, чтобы не угасил ее в вас враг нашего спасения. Путь ваш хорош, но не надо ослабевать на нем, пока не будете увенчаны. Похвально намерение ваше, но не нерадите, чтобы не охладела в сердцах ваших теплота духовная. Хорошо, что вы поставили вечное выше временного. Конечно, доброе дело служить родителям по плоти, но без сравнения выше служить Отцу небесному. Милы братья по плоти, но гораздо спасительнее духовные. Полезны друзья, которых вы имеете в миру, но много лучше приобрести друзей среди святых угодников Божиих. Сильны ходатаи и заступники ваши пред князьями, но всё же не таковы, как ангелы, ходатайствующие за нас пред Богом. Хорошо и милостыню давать нищим Бога ради; но никакое приношение не благоприятно столь Богу, как душу и волю свою предать Ему всецело. Приятно наслаждение сей жизнью, но ничтожно по сравнению с наслаждениями райскими. Прекрасно и всеми любимо богатства, но никак не сравнится с теми сокровищами, **"не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку"** (1Кор.2:9). Приятна и красота юности, но ничто в сравнении с достоинствами Прекраснейшего всех сынов человеческих⁶. Прекрасно стать воином царя земного, но непродолжительно и опасно это служение. А быть воином Царя небесного значит торжествовать над всею вражьею силою.

С таковыми и подобными этим наставлениями обратился к ним преподобный игумен и, видя обильные слезы, текущие из глаз их, сказал Симеону:

– Не жалея, не плачь о седирах госпожи твоей матери, ибо за твои труды Бог лучше ее утешить, нежели сам ты, находясь при ней. Если бы даже ты неотступно был при ней и то не знал бы наверно, – ты бы ее раньше похоронил, или она тебя. И умер бы ты без угождения Богу, не имея ничего, что могло бы избавить тебя от будущих зол после смерти: ибо ни материнские слезы, ни отцовская любовь, ни богатство и слава, ни брачный союз, ни любовь к детям не могут умолить страшного Судию, а только – добродетельная жизнь, подвиги и труды, подъятые ради Бога!

Потом, обратившись к Иоанну, сказал:

– И тебе, о чадо! да не влагает враг таковых мыслей, чтобы ты стал рассуждать в уме своем: кто без меня поддержит престарелого отца и прокормит? кто утешит рыдание супруги моей? В самом деле, если бы вы предоставили их одному Богу, а сами пошли работать другому, то вы по справедливости сокрушались бы о них. А так как Единый есть Бог, Которому вы поручили родителей своих, и из любви к Которому оставили их, то должны знать, что Он Сам промыслит о них. А так как Единый есть Бог, Которому вы поручили родителей своих, и из любви к Которому оставили их, то должны знать, что Он Сам промыслит о них. Подумайте также и о том, что когда были вы в миру и трудились для жизни временной, благодать Господня заботилась о вас и щедро наполняла дом ваш; тем более Господь позаботится о домах ваших ныне, когда вы пришли трудиться Ему всем

сердцем, желая совершеннее благоугодить Ему. Вспомните о, дети! ответ Господа, желавшему следовать за Ним и сказавшему: **"Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего"**. Господь сказал: **"Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов"** (Мф.8:21-22). Так и вы с непреклонною волею и твердым сердцем идите во след Христа. Ибо, если бы земной и смертный царь призвал вас к себе, желая сделать вас постельниками или советниками, разве вы не пренебрегли бы вашими домашними и не пошли бы со скоростью к царю, чтобы служить ему в славе и чести и услаждаться лицемерием и милостью его? И это бы почтить вас перед своими вельможами.

Иоанн же и Симеон отвечали:

– Истинно так, отче!

И продолжал игумен:

– Тем с большею о, дети! должны мы поспешностью и усердием идти на зов Царя небесного, призывающего нас к чести, которой уподобиться и с которой сравниться не может никакая самая высокая мирская почесть. Мы должны послушать Бога, призывающего нас к Себе, помня любовь Его к нам, ради которой Он не пощадил Своего Единородного Сына, но предал Его за нас на кровавую смерть, чтобы сделать нас сынами Своими; и если бы за это мы пролили всю нашу кровь, то и тогда не воздали бы нисколько по достоинству в сравнении с явленной Им благостью и любовью: потому что нельзя приравнять кровь царскую крови рабов.

Сказав всё это им и догадываясь, что Симеон и Иоанн, одетые богато, выросли, не зная нужды, боговдохновенный игумен, хотя и видел их горячее усердие к Богу, всё-таки советовал им не тотчас возлагать на себя иноческий образ, но подождать некоторое время: пусть сами себя испытают, – смогут ли вынести тягость подвижнической жизни. А они, упавши к ногам его, молили его со слезами, чтобы он безотлагательно постриг их и облек в святой чин.

После того старец, желая их испытать, взял отдельно Иоанна и говорит ему:

– Я уже убедил твоего друга, чтобы он еще на год остался в миру.

– Если ему угодно, – возразил Иоанн, – пусть остается, я же не в состоянии так долго ожидать пострижения, но умоляю тебя, отче, тотчас совершить надо мной, то чего жаждет душа моя.

Симеон же, видя их отдельно беседующих, сказал старцу:

– Не медли, отче, слушая доводы Иоанна; трепещет за него у меня сердце, что затужит он о супруге своей, с которою в нынешнем году сочетался браком, богатой и прекрасной, и ради нее да не уклонится от любви к Богу.

Иоанн также обратился к старцу со слезами (очень он был склонен к слезам):

– Молю тебя, отче, немедленно постриги нас, чтобы не погубить дорогого мне брата. У него мать, которая так сильно любит его, что не может жить, не видя его, и боюсь за него, чтобы, вспомнив о любви к нему матери, не отшатнулся от любви к Богу; итак не перестану печаловаться, пока не увижу его постриженным.

Старец же, видя их взаимную заботу друг о друге, и по опыту зная, что Бог не постыжает, не отвергает прибегающих к Нему всею душою и твердою верою, не медля более, ввел их в церковь и постриг в начальный иноческий образ. Когда же совершалось их пострижение, Иоанн сильно плакал, а Симеон тайно толкал его, давая знать, чтобы он молчал, – он думал, что тот плачет об отце и жене своей. Но тот изливал слезы от горячей сердечной любви к Богу.

После пострижения и по совершении святой литургии, игумен опять простер к ним продолжительное поучительное слово, ведая своим прозорливым духом, что недолго пробудут они в его монастыре, так как Бог призовет их на еще более совершенное житие.

Тот день пришелся в субботу, и хотел игумен на утро, в воскресенье, возложить на них совершенный чин ангельского образа.

И стали говорить некоторые из братьев Иоанну и Симеону:

– Блаженны вы, потому что наутро возродитесь и будете чисты, как бы только что родились; вы очиститесь от ваших грехов, как будто только в этот день получили крещение.

А те, не понимая того, что говорили им, изумились и ужаснулись и, придя к святому игумену в субботу вечером, молили его такими словами:

– Не крести нас, отче, потому что мы христиане и дети христианских родителей, вновь рожденные погружением святого крещения.

Игумен же, не понимая слов их, спросил:

– Кто вас хочет крестить, о, дети?

Они отвечали:

– Слышали от братий, что наутро будем крещены.

Тогда игумен, поняв, что братия говорили им о святом ангельском образе, сказал:

– Хорошо объяснили вам отцы: потому что наутро хотим облечь вас в совершенный чин ангельского образа, который освободит вас от всех сделанных вами в мире прегрешений, подобно второму крещению.

Иоанн же и Симеон не знали, что такое совершенный чин ангельского образа. И приказал игумен позвать брата, которого в прошлую неделю посвятил в тот совершенный чин, чему еще не исполнилось 7 дней, так что брат носил постоянно, по уставу монастырскому, все одеяния святого чина. Когда этот брат пришел, Иоанн и Симеон, увидев его, припали к ногам игумена и молили, чтобы он тотчас же, еще вечером, облеч их в этот чин.

– Мы люди, – говорили они, – не знаем, проживем ли эту ночь и увидим ли утро, и, вдруг, отойдем от этой жизни, не получив такого венца, радости и славы, в какой видим этого брата.

Уразумел игумен, что они созерцают какое-то видение, и отпустил призванного брата обратно в келью. Когда тот ушел, опять Иоанн и Симеон усиленно стали просить игумена:

– Отче, Бога ради, тотчас облечи нас в одежды, которые мы видели на том брате: поистине в монастыре твоём не видели ни одного в такой славе, как брат тот.

– Что видели вы, дети, на том брате? – спросил их игумен.

Они отвечали:

– Видели на голове его пресветлый венец и вокруг сияние, и какие-то лики светолепные, со свечами в руках, окружали его с удивительным пением.

И подивился игумен такой душевной их чистоте и сказал им:

– Наутро и вы, по благодати Святого Духа, получите такой же венец и славу вместе со святым ангельским чином.

Когда наступил воскресный день, игумен совершил над ними тот святой чин, и оба видели друг на друге венцы, сияющие на их головах, и ночью видели лицо друг друга ясно, как днем: и такой радостью исполнилась душа их, что они не желали вкушать ни пищи, ни питья.

По прошествии 2 дней, после принятия совершеннейшего чина, случилось им встретить того прежде названного, виденного в славе, брата, облеченным во вретище и выполняющим монастырское послушание, – они не видели над ним прежней славы и венца и удивлялись. Симеон же сказал Иоанну:

– Поверь мне, брат, что, по истечении 7 дней, и мы не будем видеть друг над другом блестящего венца и сияния, как теперь.

Иоанн спросил:

– Итак чего ты хочешь для себя еще, брат?

– Послушай меня, – отвечал Симеон, – я хочу, чтобы мы, как вышли из мира, так и отсюда уйдем на еще более безмолвное пустынное житие; ибо с тех пор как облеч нас честной игумен во святой сей образ, разгорелось мое сердце от некоторого чудесного желания, и душа моя никого не хочет видеть, ни говорить, ни слышать чей-нибудь голос, но желает оставаться в полнейшем от всех удалении и в глубоком молчании.

– Что будем есть, живя в пустыне? – возразил Иоанн.

Симеон отвечал:

– А что едят другие пустынножители, о которых слышали из уст поучающего нас игумена? Питающий тех пропитает и нас, и, думаю, игумен так много говорил нам о пустынножителях из желания, чтобы и мы избрали пустынножительство.

Иоанн опять возразил:

– Но мы еще не научились петь псалмы по уставу монастырскому?

– Спасший угодивших Ему ранее Давида, – успокоил его Симеон, – спасет и нас, и как научил Он слагать псалмы Давида, пасшего овец в пустыне, так и нас научит. Не ослушайся меня, брат, но как вместе посвятили мы себя Богу, так и потрудимся для него вместе.

Иоанн согласился, говоря:

– Как ты хочешь, так и сделаем; но как мы выйдем из монастыря, двери которого на ночь запирают?

Иоанн отвечал:

– Отверзший нам днем, откроет и ночью.

Когда они таким образом согласились и порешили и когда наступила ночь, игумен увидел во сне некоего почтенного мужа, святого по виду, открывающего монастырские ворота со словами:

– Выходите, овцы Христовы, на свое пастбище.

Тотчас, поднявшись, он поспешил к воротам и нашел их открытыми и, думая, что Иоанн с Симеоном уже вышли, сел печальный, вздыхал и думал:

– Не достоин был я принять молитвы отцов моих, ибо не я, а они были отцами и учителями. О, какие драгоценные камни (как сказано в Писании) не узнанные лежат на земле, многими видимые, но не многими ценимые!

Когда игумен так размышлял в себе и сокрушался, вот мы шли из своей кельи к воротам рабы Христовы, чтобы покинуть монастырь. И увидел игумен идущих впереди них прекрасных юношей с ярко горевшими свечами. Иоанн же и Симеон юношей тех не видели, но, заметив открытые врата, сильно обрадовались, что не лишились своей надежды. Когда же увидели у ворот старца, испугались и хотели вернуться, не догадываясь, что это игумен. Игумен же подозвал их словами:

– Не бойтесь, чада, идите во имя Господне!

Они же, узнав, что это игумен, еще более обрадовались и поняли, что Бог, открыв ему ранее об их приходе, указал и отшествие их, и поклонились старцу со словами:

– Благодарим тебя, отче, но как достойно возблагодарим Бога и честную твою главу, не знаем. И кто из нас мог надеяться сподобиться таковых даров? Какой царь мог бы почтить нас таким саном? Какие сокровища обогатили бы нас столь скоро? воды каких бань так очистили бы наши души? какие бы родители могли нас так любить и спасти, как ты, честный отче?! О Христи ты нам отец и мать, владыка, пастырь и наставник, и руководитель! Через тебя получили не похищаемое сокровище и нашли бесценную жемчужину спасения; узнали, поистине, силу второго крещения, как поведали нам отцы. Просим же твое блаженство, отче, чтобы помолившись о нас, отпустил нас рабов твоих идти, куда нам укажет Бог: ибо от всей души мы пожелали послужить Ему и поминай, отче, своих овец, коих принес Богу в жертву.

Всё это произнесли они с великими слезами. Плакал и игумен от душевной радости, видя столь великое желание их служить Богу. Наконец, поставив Симеона направо, а Иоанна налево и воздев руки к небу, произнес молитву:

– Боже праведный и славный! Боже великий и крепкий! Боже Предвечный и Вечный! приклони ко мне грешному слух в час сей! Услышь меня, Господи, обещавший послушать всех, истинно служащих Тебе! направь стопы рабов Твоих сих и ноги их поставь на путь мира. Будь Помощником сим незлобивым отрокам и сохрани их целыми, как голубей; запрети всем нечистым духам, да не приближаются к ним, но да бегут далеко от лица их. Возьми щит и латы и восстань на помощь им; обнажи меч и прегради [путь] преследующим их; скажи душе их: "Я – спасение твое!" (ср. Пс.24:2-4). Соделай, да удалится от их мысли

всякое малодушие и ужас, и да сгинет всякая гордыня и самомнение и всякая злоба; да утихнет всякое разжение плоти, случающееся от природы и от бесовского искушения; да освятится их тело и душа, и дух их просветится светом благодати Твоей, да возрастая духовно, перейдут в возраст мужа совершенна и сподобятся получить часть среди угодников Твоих, восхваляя Тебя со святыми ангелами и всегда поклоняясь Тебе – Отцу, Сыну и Святому Духу, Богу Единому в Троице во веки, аминь!

Потом, обратившись к рабам Христовым, со слезами произнес:

– Бог, Которого вы избрали, о, добрые дети! и к Которому вы прибегли, да пошлет Он ангела пред лицом вашим, который приготовит вам безбоязненный путь и пойдет впереди вас, избавляя вас от вражеских сил, как Иакова от Лавана и от Исава (Быт., гл. 31-33), и – Даниила от пасти льва! (Дан., гл. 6)

И, обняв их обоих, опять обратился с молитвою к Богу:

– Спаси, Боже, спаси возлюбивших Тебя всем сердцем: ибо Ты праведен, Господи. Не оставь тех, которые оставили ради Тебя всё суетное!

Затем опять обратился к ним:

– Берегитесь, чада! потому что выходите на страшную брань, но не бойтесь! Силен Бог и не пошлет вам искушений выше меры. Подвизайтесь, дети, и да не будете побеждены врагом; стойте мужественно, имея броней святой иноческий чин ангельского образа. Но помните Сказавшего: **"Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия"** (Лк.9:62). Не будьте ленивы и унылы, начиная сей путь Господень, чтобы и на вас не исполнилась притча о начавшем ставить столп: **"Этот человек начал строить и не мог окончить?"** (Лк.14:30). Мужайтесь, дети, зная, как ничтожна борьба и как велик венец, как непродолжителен труд и вечно отдохновение.

Пока они упражнялись в таких беседах, подошло время звонить к утрени, и им нужно было выходить из монастырских ворот; Симеон, отведши игумена отдельно, сказал ему:

– Молю тебя, отче, ради Господа, помолись усердно за брата моего Иоанна, да изгладится из ума его память о жене, чтобы вследствие вражеского искушения, не оставил меня, и я истаяю от сожаления о разлуке с ним; помолись и об отце, родившем его, да утешит его Господь, чтобы он не печалился об оставившем его сыне.

Также и Иоанн, отведши старца в сторону, умолял:

– Бога ради, отче, не забудь в святых твоих молитвах брата моего Симеона, да не удалится от меня к матери, увлекаемый любовью к ней; иначе пристань послужит нам местом потопления.

Удивился старец таковой между ними любви и, обещав молиться за них, благословил их, ограждая крестным знамением, и отпустил с миром.

Отошедши от преподобного игумена, рабы Христовы, Симеон Иоанн, молились:

– Боже! по молитвам раба Твоего, отца нашего Никона, Сам веди нас куда Тебе угодно; ибо мы странники и не знаем ни места, ни страны, куда бы обратились, но, стремимся к Тебе, хотя, быть может, в глубине пустыни ждет нас смерть.

Потом обратился Иоанн к Симеону:

– Что теперь будем делать, брат? Куда пойдем?

Симеон отвечал:

– Пойдем направо, потому что всё что правое, то хорошо.

И пошли на правую сторону; было же то промыслием Божиим: Господь не оставляет рабов Своих. Пройдя порядочно, они подошли к Мертвому морю⁷ и нашли близ моря и Иордана, впадающего в то море, место удобное и келью, где пребывал один пустынножитель, за несколько дней перед тем преставившийся ко Господу; были здесь и сосуды небольшие, и огород с насаженным овощем, которым питался преставившийся старец. Увидев это, рабы Христовы обрадовались так же сильно, как радуется нашедший значительное сокровище, и благодарили Бога, и, поселившись там, начали жить. Немного времени спустя, враг наших душ, диавол, не стерпев богоугодного жития рабов Христовых,

начал войну против них, Иоанну влагая воспоминание о жене и отце, Симеону – любовь к матери. Они же, когда видели друг друга печальными, тотчас говорили друг другу:

– Стань, брат, помолимся вместе Владыке нашему Иисусу Христу, да сохранит нас от вражеских козней молитвами святого старца нашего Никона.

И когда молились они, скоро приходила к ним помощь Божия, отражающая от них вражеские наветы. Иногда искушитель влагал им желание отведать мяса и выпить вина; иногда показывал во сне родителей и сродников: или сокрушающихся о них, или же пирующих; то повергал их в уныние и лень, то, думая ужаснуть их привидениями, опять внушал им мысль вернуться в монастырь, как будто им было невыносимо пустынножительство. И разнообразными способами пестрый змей тот старался прервать праведное житие тех похвальных подвижников. Они же, помня свои обеты и светлые венцы, которые сначала видели друг над другом, а также помня наставления и слезы своего старца, превозмогали в служении Господу и утешались, часто ощущая в сердцах своих некоторую духовную сладость. После мужественного сопротивления вражеским искушениям, являлся им во сне преподобный Никон, то увещевал их, то молитву совершая за них Богу, то научая их псалмам и молитвам. И, пробудившись, они помнили наяву то, чему научились от него во сне и имели от того великую радость. Также точно и печаль, происходившую от воспоминания о домашних, облегчил им Господь, через два года, такими откровениями. Преставилось Симеону в ночном сонном видении, что он посещает мать свою в ее доме и говорит ей на сирском наречии:

– Ладохрелихем, то есть, не заботься, мать; ибо хорошо нам: я и господин Иоанн здоровы и водворены в царской палате и вот носим венцы, которыми увенчал нас царь, украсив нас светлыми одеждами; скажи также и родителю Иоанна, чтобы не тужил о своем сыне и, вообще, не заботься о нас.

Много раз повторялось Симеону это видение, и из этого он понял, что его мать уже не печалится о нем, будучи утешена Богом. Точно также и Иоанну в сонном видении являлось какое-то пресветлое лицо со следующими словами:

– Вот я сделал отца твоего беспечальным, вселив в него покой и радование и жену твою на этих днях возьму в мое царство.

Рассказывая друг другу о таковых видениях, Иоанн и Симеон радовались в своих душах и веселились о Боге Спасителе своем. И с тех пор не знали никакой печали первый – об отце и жене, а второй – о матери; но одна у них была забота – днем и ночью славословить Бога. То для них был труд не утомительный и забота без печали – постоянно творить молитвы, и в непродолжительное время они сделались достойными сосудами Святого Духа и сподобились созерцания божественных откровений. Иногда они жили и отдельно друг от друга, но недалеко, не больше, как на расстоянии брошенного камня. И если одному из них приходила мысль вражеская, тотчас смущаемы прибегал к другому: ибо они открывали друг другу свои мысли и, молясь вместе, прогоняли наветы вражеские.

По прошествии некоторого времени, блаженный Симеон, сидя на отдельном месте, пришел в восторг и видит себя в своем отечестве, в городе Эдессе⁸, навещающим больную мать, со словами:

– Как живешь, мать?

А она отвечает:

– Хорошо мне, сын мой!

Он же снова сказал ей:

– Иди, ничего не боясь, к Царю, ибо я умолил Его за тебя и приготовил тебе место хорошее, и когда Он захочет, то и я приду к тебе.

Пришед в себя после этого видения, Симеон понял, что в ту минуту умерла его мать, и поспешил к Иоанну, прося его, да помолится он о душе его матери, а сам, преклонив колена, так молился со слезами:

– Боже, жертву Авраама благосклонно принявший (Быт., гл. 22) и не отвергший жертвы Иеффая (Суд., гл. 11) и дары Авеля не презревший (Быт., гл. 4), ради отрока своего Самуила

явивший мать его, Анну, пророчицей (1Цар., гл. 1-2) Ты, Господи мой, Господи! Меня ради, раба Твоего, прими душу доброй моей матери; помяни ее болезни и труды, принятые ради меня; помяни ее сокрушение и слезы, которые она пролила, когда я укрылся от нее к Тебе. Помяни грудь ее, которой она меня вскормила, надеясь иметь от меня помощь и утешение и не получив того, на что надеялась. Не забудь, Владыко, ее сердечные рыдания, причиненные мною, когда я оставил ее Тебя ради. Вспомни, сколько ночей не приходил сон на ее глаза, от постоянной мысли о своем сиротстве и моей юности. О, как сокрушалась она сердцем, глядя на мои одежды, в которые уже не облакалось ее драгоценное сокровище! Помяни, скольких радостей и веселия лишил я ее моим от нее удалением, чтобы служить Тебе, моему и ее Владыке и Богу! Дай ей ангела Твоего хранителя сильного, который избавит душу ее от хитрых и немилостивых воздушных духов, желающих всех погубить⁹. Повели, Боже мой, разлучиться душе ее от тела без болезни и страха и, как Благий, прости ей все согрешения, которые она соделала в сей жизни. Ей, Боже правосудный! не переведи ее из печали в печаль, из беды в беду и от сокрушений к сокрушениям, но вместо печали, какую она скорбела обо мне, единственном сыне своем, подай ей радость и вместо горя веселие, приготовленное, Боже мой, для святых Твоих.

Молился с ним вместе и Иоанн о душе преставившейся. И, поднявшись с молитвы, утешал Иоанн Симеона:

– Вот, брат, Бог услышал твои молитвы и взял к Себе мать твою; потрудись же еще со мной и оба помолим Господа, да покажет Свою милость и бывшей моей жене, да или приведет ее к иночеству, или возьмет к Себе от этого мира.

И оба о том молились.

Прошло не много времени, и Иоанн, находясь в восторге, увидел свою жену, сидящей в своем доме: пришла к ней Симеонова мать, взяла ее за руки и говорит:

– Встань, сестра моя, и пойдем ко мне, ибо украшенный дом дал мне Царь, Который сделал сына моего вместе с твоим мужем Своими воинами; перемены свои одежды и облекись в чистые.

И тотчас она, встав, переменяла одежды и пошла вслед за ней. Из этого видения понял Иоанн, что умерла жена его и вместе с матерью Симеона поселилась в месте праведных, и сильно возрадовался. С этого времени оба стали беспечальны и пробыли в пустыне, живя вместе, претерпевая всякое злострадание, 29 лет, мужественно борясь с невидимыми врагами и, по Божией благодати, побеждая их и прогоняя. А особенно Симеон в столь великое пришел бесстрашие, что тело его стало, как будто, бесчувственное дерево, не ощущающее никакого сильного желания, так как все члены его были умерщвлены.

Однажды Симеон сказал Иоанну:

– Нет больше нам, брат, нужды оставаться в пустыне, но, послушай меня, пойдем, послужим спасению других: здесь мы только себе помогаем, а награды за помощь другим не имеем. Не Апостол ли говорит: **"никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого, еще: угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но [пользы] многих, чтобы они спаслись"** (1Кор.10:24, 33). И еще: **"для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых"** (1Кор.9:22).

Сказал ему на это Иоанн:

– Думаю, брат, что сатана, возненавидев наше уединение, внушил тебе такую мысль, но воспротивись ему и останься здесь, дабы подвиг наш, который мы здесь начали и на который мы призваны Богом, мы и окончили в этой пустыне.

Симеон возразил ему на это:

– Поверь мне, брат, что я здесь более не останусь, но по силе Христовой иду и поглумлюся над миром.

Иоанн стал говорить ему:

– Я еще не достиг такого совершенства, чтобы мог глумиться над миром; боюсь, чтобы как-нибудь он не посрамил меня и не лишил меня благодати Божией. Умоляю тебя, добрый мой брат, ради Господа, соединившего нас, не оставь меня смиренного, не отлучайся от

своего брата; ты знаешь, что после Бога я не имею никого, кроме тебя одного, брат мой; от всех отказался и привязался к тебе одному. А ты хочешь теперь, как в море, оставить меня в этой пустыне одного. Вспомни день, когда мы бросили жребий и пошли вместе служить Господу и обещали не разлучаться друг с другом. Вспомни тот час, когда преподобный отец наш Никон облек нас в святой великий ангельский образ, и были мы оба, как одна душа и все дивились любви нашей. Не забудь слов великого старца, которыми он нас утешал и увещевал ночью, когда мы выходили из монастыря; не оставляй меня, брат, молю тебя, чтобы как-нибудь не погиб один без тебя, и Бог взыщет с тебя за мою душу.

Симеон вразумлял его:

– Считай меня, что я умер; в самом деле, если бы я умер, не оставался ли бы ты один? Поверь же, что если пойдешь со мною, поступишь хорошо; если не пойдешь, – твоя воля; я же всё равно здесь не останусь, но иду, куда велит мне Бог.

Иоанн понял, что это от Бога внушение его брату, чтобы шел из пустыни в мир и не стал больше ему прекословить. Сокрушаясь же о разлучении своем с братом, так сказал ему:

– Смотри возлюбленный Симеон, чтобы собранное в пустыне не рассыпал мир, и что преуспел, благодаря молчанию, то пусть не повредится от мирской молвы; да не погубит сон твоих всенощных бодрствований и мирские утехи да не рассеют иноческого созерцания. берегись, чтобы вид женщин, от коих Бог сохранил тебя до нынешнего дня, не погубил твоего целомудрия и страсть к собиранию имущества не похитила твое пустынно нестяжательности, – чтобы посты твои не порушились вкушением многообразных снедей и чтобы не уничтожились плачь твой от смеха, а молитва – от лености. Если ты и получил, возлюбленный, от Бога такую силу, что можешь невредимо для спасения твоего пребывать в мире, среди людей, всё-таки храни бережно сердце твое от того, что будешь делать перед людьми телом; в том пусть не принимает участия воля, пусть не прикоснется душа твоя к тому, к чему прикоснется рука, и сердце не будет иметь удовольствия от того, что будут вкушать уста и вместе с выступающими ногами да не возмутится внутренний покой, и всё творимое вне да не осязается внутри, и твой ум пусть сохранится безмятежным. Я радуюсь о твоем спасении, только ты молись обо мне Богу, чтобы не разлучил Он нас в будущем веке друг от друга.

– Не бойся, любезный брат мой Иоанн, – отвечал ему на это Симеон, – что я хочу делать, то не по моей воле, а по Божьему хотению и ты узнаешь, что мое дело угодно Богу из того, что приду к тебе до своей смерти и приветствую тебя и позову тебя с собою и через немного дней пойдешь за мною.

Побеседовав так, оба стали на молитву и долго молились со многими слезами. Потом, несколько раз обняв друг друга и облобызав уста и грудь, отпустил Иоанн Симеона, далеко проводив его: не хотелось ему разлучаться с ним. И каждый раз как говорил ему Симеон:

– Возвратись уж, брат Иоанн, – слова эти были для него, как острый меч, отделяющий душу от тела. В конце концов, облобызав друг друга, они расстались: Симеон пошел в мир, а Иоанн возвратился в пустыню, проливая из глаз слезы.

Вышед из пустыни, блаженный Симеон пошел в святой град Иерусалим: ибо сильно желал видеть святые места, которых не видал столько лет и, дойдя до святой Голгофы¹⁰, оставался там три дня, приходя и поклоняясь честному и животворящему Кресту и святому гробу Господню¹¹. Прилежно он молился Богу, чтобы Господь скрыл дела его перед людьми, пока не преставится из здешнего мира, чтобы тем избежать пустой славы и гордости, которая погубила и низвергла даже ангелов с неба, но пусть все принимают его за безумного и бессмысленного и да получит просимое. Господь слушает молитвы истинных рабов Своих и внимает прошению их.

И сколько, после того, творил чудес угодник Божий: бесов изгонял, будущее предсказывал, болезни всякие исцелял, от скоропостижной смерти избавлял, неверных приводил к вере, грешных убеждал к покаянию; тем не менее люди не могли узнать всей его святости, так как Бог скрывал ее от них, но даже до самой смерти считали его юродивым и бесноватым. Он и сам умел свои чудесные дела, совершаемые по Божией благодати,

скрывать извне являемым юродством, как покажет это последующий рассказ. Пусть не соблазнится кто-либо читая про некоторые странные и вызывающие смех действия, которые святой Симеон творил в притворном юродстве, глумясь над пустым и горделивым миром, но обсудит каждый слова апостольские: **если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным** (1Кор.3:18-19). И еще: **мы безумны Христа ради, потому что немудрое Божие премудрее человеков** (1Кор.4:10; 1:25). Из Иерусалима пошел преподобный Симеон в город Эмессу и там начал свое Христа ради юродствование: подходя к городу, увидел на сорной куче дохлого пса; сняв свой пояс, он привязал пса за ногу и повлек его в город, быстро прошел через ворота и тащил по улицам. Собралось множество детей, которые бежали за ним с криком:

– Монах юродивый, монах юродивый!

И бросали в него камнями и били палками. А утром в воскресенье, он вошел в церковь при начале литургии, имея за пазухой орехи. Прежде всего Симеон начал гасить свечи, а когда хотели его выгнать, он, вскочив на амвон, бросал орехи в женщин и едва с большим трудом могли изгнать его из храма. Он же, убегая, опрокинул продаваемые хлеба и так сильно был избит хлеботорговцами, что едва остался жив. После того, один харчевник, продавец съестных предметов и сочива, нечестивец, державшийся Севировой ереси¹², увидав блаженного старца и, не подозревая его юродства, обратился к нему со словами:

– Что бродишь, старец? поди ко мне и продавай сочиво, бобы, крупу и прочую снедь.

Он тотчас согласился и, севши в каморке того человека, начал даром раздавать припасы приходящим нищим, и сам их ел, потому что не вкушал пищи целую неделю. И когда всё раздал и ничего не собрал денег, то человек тот начал сильно быть его и вырвал у него бороду и выгнал и своего дома; но старец, не уходя, сел у ворот. Через час, услышав, что жена харчевника потребовала горячих углей, чтобы возжечь фимиам, побежал к печи и, не найдя совка, взял горстями горячие уголья и принес к госпоже, чтобы положила ладан для каждения. Увидав это, она ужаснулась закричала и закричала на него:

– Что ты делаешь? зачем ты сжигаешь руки свои?

А он переложив огонь в свою одежду, сказал:

– Если не угодно тебе, чтобы я кадил руками, то буду кадить одеждою.

И, положив ладан, кадил, пока не угасли угли. Видя руки и одежду его невредимыми от огня, муж и жена сильно изумились и присоединились потом к кафедральной церкви, а старца стали почитать святым: но он бежал из того дома и не вернулся, пока то чудо не пришло в забвение.

Когда он юродствовал в городе, один содержатель корчмы взял его к себе и держал его, как раба. Был же он нрава жестокого и немилосердного и редко когда давал старцу пищи, хотя ради него и получал много прибыли, так как горожане говорили, глумясь:

– Пойдем пить в корчму, где юродивый.

Старец своим юродством веселил пивших. Однажды приполз змей, пил вино из сосуда и, выпустив в него яд, уполз. Никого не было тогда в комнате, и юродивый был вне дома, кривляясь среди народа и пляша под игру бубна. Спустя несколько времени, он вошел в дом и увидел над сосудом никому не видимое слово: "Смерть".

Поняв случившееся, старец взял палку и разбил сосуд, полный вином, и вино пролилось. В ту минуту пришел корчемник и, увидев, что старец разбил сосуд, схватил ту же палку и бил его без милосердия, пока не устал сам, и выгнал его из дома. На утро старец опять пришел в корчму и как бы прятался от своего господина. И опять приполз змей, стал пить вино из другого сосуда; увидав это, корчемник схватил палку и, думая убить змея, ударил по сосуду; змей уполз, а сосуд разбился и вино пролилось; не только сосуд тот, но и стаканы, стоявшие поблизости от него, разбились. Старец же, стоя позади, вскричал:

– Видишь, что не я один, безумный, разбивая сосуды, но и ты то же делаешь.

Тогда корчемник, поняв, почему Симеон разбил вчера сосуд с вином, раскаялся, что безвинно бил жестоко Симеона, и стал почитать его как святого. Старец же, не желая себе почитания, а желая бесчестия и поругания и мудро прикрывая видом юродства свое

ангельское во плоти житие, сделал следующую вещь: в один день, когда жена корчемника одна почивала в своей комнате, а муж ее продавал вино, пришел к ней старец и начал снимать с себя одежды, делая вид, что хочет лечь с ней. Она, видя то, закричала, и прибежал корчемник, которому жена сказала:

– Выгоните этого проклятого юрода, потому что он хочет меня насиловать.

Муж подверг старца заушению и выгнал его вон на стужу: был сильный холод и дождь, и сел старец вне дома, терпя холод в одной ветхой и разорванной одежде. С тех пор не только сам корчемник не считал его за святого, но и другим, если кто говорил, что Симеон юродствует Христа ради, с клятвой утверждал:

– Поистине, бесноватый и помешанный он, к тому же и блудник: хотел жену мою насиловать, и мясо ест и другие неподобные дела творит, как не знающий Бога.

Ибо преподобный, много раз, после семидневного голодания, при всех ел мясо, нарочно для того, чтобы не только юродивым, но и грешником все считали его. Для большего же обнаружения своего мнимого безумия, отлагая человеческий стыд, много раз ходил он по базару нагой, как бы бесплотный, истинный подражатель бесплотным. Дьякон, служивший при церкви в том городе, по имени Иоанн, муж добродетельный и богоугодный, хорошо зная притворное, ради Христа, юродствование Симеона, увидав однажды старца не то от голодания, не то от тягостей, подъемлемых при юродствовании, сильно ослабевшего телом и, желая его, как бы шуткой, вымыть, спросил:

– Пойдешь в баню вымыться, юродивый?

А тот, засмеявшись, сказал:

– Пойду, пойду.

И тотчас сняв с себя рубище, и свив его, положил себе на голову. И сказал ему дьякон:

– Оденься, брат, ибо если идешь нагой, я не иду с тобой.

Старец отвечал ему:

– Я дело прежде самого дела сделал, и если не хочешь со мной идти, то предупрежу тебя.

С этими словами побежал вперед. Было же 2 бани: одна мужская, другая – женская; он, оставляя в стороне мужскую, пошел к женской. Дьякон же, настигнув его, закричал:

– Постой, юродивый, не ходи туда; ибо то женская баня.

Обратившись к нему, Симеон сказал:

– Всё равно там горячая и холодная вода, и тут горячая и холодная, другого особенного ничего нет ни там, ни здесь.

С этими словами устремился вперед и, голый, вошел в баню, и сел среди женщин. Те тотчас все на него бросились, били его и выгнали от себя. После того, дьякон, особенно, наедине, спросил святого:

– Отче, как чувствовала себя твоя плоть, когда ты, голый, вошел к нагим женщинам?

Старец отвечал:

– Поверь мне, брат, что всё равно, как дерево среди деревьев, так и я был среди них, не ощущая, что имею тело, не думая, что среди телесных существ нахожусь, но вся моя мысль была устремлена на Божие дело.

Такое бесстрастие своего умерщвленного тела, открыл блаженный тому дьякону, от которого не таил и всего жития своего, видя в нем истинного раба Божия. И стала между ними обоими дружественная любовь о Христе и знали они богоугодные дела друг друга.

Юродствуя, преподобный Симеон не себя одного, но и других спасал: многих грешников приводил к покаянию, наставляя словами и делом. Один юноша впал в грех прелюбодеяния и тотчас, по Божию наказанию, предан был в измождение плоти сатане (1Кор.5:5) и мучим был от нечистого духа. Увидав это, старец ударил его по щеке и сказал на ухо:

– Не прелюбодействуй.

И тотчас вышел из него бес, и стал здоров юноша. Спрашивающим, как он исцелился, рассказывал:

– Я видел старца, с деревянным крестом в руке, который прогнал от меня черного страшного пса ударами креста, и я стал здоров.

Не мог он открыть, что Симеон юродивый исцелил его, потому что Бог удерживал язык его даже до самой смерти Симеоновой. Был один комедиант, по площадям разыгрывавший смешные действия, по имени Псифас. Когда он выполнял перед народом обычное свое дело, пришел туда Симеон и, видя комедианта, прозрел некоторую добродетель в его жизни, и, желая отвлечь его от явно совершаемого неблагоугодного дела, взял очень маленький камень и, сделав крестное знамение, бросил в него и попал ему в правую руку и тотчас засохла рука у того – и никак не могли узнать, кто бросил камень. И ушел комедиант болен и уныл. Во сне явился ему преподобный со словами:

– Вот я бросил в тебя камнем и если не покаешься и не поклянешься мне, что не будешь больше заниматься тем смехотворным искусством, не исцелеешь.

Тот поклялся ему Пречистой Девой Богородицею, что не будет больше показывать тех игр, и, встав, почувствовал себя здоровым и рука его выздоровела, но не мог назвать своего исцелителя, а только твердил, что какой-то монах с венцом из финиковых ветвей на голове исцелил его. Провидел же и будущее преподобный и прикровенно для других предсказывал его. За несколько дней пред великим землетрясением в царство Маврикия¹³, от которого (землетрясения) пала Антиохия¹⁴ и разрушились многие каменные здания в Эмессе, старец, юродствуя, похитил из училища плетеный ременный бич и, бегая по городу, ударял по каменным столбам; которыми поддерживались здания и перед некоторыми столбами приговаривал:

– Господь повелевает тебе стоять крепко.

А перед одним:

– Ты ни стой, ни падай. И, когда было землетрясение, все столбы, которым святой, ударяя, приказывал стоять, остались целы и невредимы; другие упали и с домами, державшимися за них, и в прах разбились. А тот столб, которому святой сказал "не стой, не падай" расселся пополам, сверху до низу, и стоял, несколько наклонившись. Когда святой, ударяя по столбам, приказывал им стоять, многие думали, что это он делает в неистовстве, а когда увидели, что они целы и невредимы стоят после землетрясения, многие тут поняли, что то было пророческое предзнаменование юродивого о землетрясении. Также, когда должен был случиться мор, приходил святой в училища, целовал детей, как бы смеясь, говоря каждому:

– Иди, о, добрый мой! иди, о, прекрасный мой!

Не всех же детей целовал, но тех, на которых указывала благодать Божия. А учителю сказал:

– Так, брат, ради Бога, не бей тех детей, которых я целую, потому что им нужно идти в далекий путь.

Учитель же надругался над ним, то сам бил его, то детям приказывал бить его, и привязывали старца к столбу и били. А когда, по Божию попущению, пришел на город мор, в живых не остался ни один из тех детей, которых лобызал святой, но все перемерли, и тогда поняли его пророчество.

Старец имел обычай входить в дома богатых и играть юродствуя, причем он неоднократно лобызал их рабынь перед всеми. Случилось одной рабыне знаменитого гражданина согрешить с одним юношей и зачать от него; когда же дознано было, что она беременна, и госпожа спрашивала ее, с кем она согрешила, не хотела рабыня объявить своего соблазнителя, но сказала, что чернец юродивый изнасиловал ее. Когда старец, по обычаю, пришел в тот дом, госпожа сказала ему:

– Хорошо ли ты поступил Симеон, что изнасиловал мою рабыню, которая даже беременна от тебя?

Старец же посмеялся ей:

– Не заботься теперь, не заботься, пока она не родит, и будешь иметь маленького Симеона.

С того дня начал старец звать ту рабыню своею женой и постоянно приходил к ней, принося ей чистого хлеба, мяса и рыбы, приговаривая:

– Ешь, жена моя, ешь.

Когда же пришло время родов, разболелась та женщина и три дня не могла родить и приблизилась к смерти. Госпожа ее обратилась к святому, прося его:

– Помолись, старец, Богу, потому что жена твоя не может родить.

А он, играя и ударяя в ладоши, прибавил:

– Клянусь Иисусом, клянусь Иисусом, не родится у нее ребенок, пока не признается, кто его отец.

Слыша это, мучающаяся родами, открыла правду, что оболгала неповинного инока и назвала своего соблазнителя, с которым согрешила. Тогда родила ребенка и начали старца считать святым; а другие говорили, что он волхвует действием сатаны: ибо юродив и бесноватый.

Также святой прозревал и тайные помышления человеческих сердец, что ясно из следующего: близ города был монастырь, где два отца в беседах производили исследование об Оригене, почему такой мудрец уклонился в ересь¹⁵. Один утверждал, что Оригенова мудрость не от Бога, а от учения и чтения многих книг, а другой, – что невозможно человеку, без благодати Божией, говорить и писать так, что иное и до сего времени принимается православными. Так, после долгих словопрений и несогласий, порешили они друг с другом:

– Слышно, что пустыня Иорданская имеет великих святых отцов, умудренных Богом; итак пойдем туда, не найдем ли там, кто бы разрешил наше сомнение.

Так порешив, пошли сначала в святой город Иерусалим и, поклонившись святым местам, отправились в пустыню Мертвого моря и, по устроению Бога, не презревшего из трудов, обрели преподобного Иоанна, который был другом и сопостником Симеона. Пришел в то время уже и Иоанн в совершенную меру святости и имел дар провидения. Он, как только увидел шедших к нему отцов, сказал им:

– Хорошо поступили вы, оставившие море с тем, чтобы почерпнуть из сухого озера.

После продолжительной между ними духовной беседы, когда вспомнился и спор об Оригене, преподобный Иоанн изрек к пришедшим:

– Я, отцы, не получил от Бога дарования, чтобы мог рассуждать о недоведомом, а идите к юродивому Симеону, что в городе вашем, тот на всё, о чем ни спросите, ответит вам.

Они же, возвратившись к себе, пришли в город Эмессу и спрашивали:

– Где юродствующий старец Симеон?

Некоторые, смеясь, говорили им:

– Что хотите услышать от безумного, соблазняющего всех, над всем глумящегося, а больше всего досаждающего инокам?

Они же, пренебрегши такими речами, искали старца и в доме одного овощника нашли его, лежащего над бобом и евшего боб, подобно медведю. И тотчас один из них, соблазнившись, подумал, рассмеявшись про себя:

– Поистине на великого мудреца пришли взглянуть! многому можем научиться у него!

Приблизившись же к нему, сказали:

– Благослови, отче!

Он же, взглянув на них, сказал с гневом:

– Напрасно пришли, и безумец тот, кто послал вас ко мне.

Потом, встав, сильно ударил в щеку соблазнившегося, закричав:

– За что бранишь боб, сорок дней мочен он; Ориген такого не ел; но зашел в море, не мог из него выйти и потонул в глубине. Уходите отсюда, уходите, а то биты будете!

Они же ушли, дивясь прозорливости старца, потому что, не спрашивая их, сказал им об Оригене и вспомнил пославшего их и обличил сердечный помысл, но не могли никому о нем рассказать. А что сказал о бобе, что мочен был сорок дней, означало, что столько дней пробыл он без пищи, как о том после сам сказал другу своему диакону Иоанну.

Однажды, взяв из овощницы свирель, вышел на улицу к близлежащему месту, на котором, в пустом доме, поселился нечистый дух, пугая многих поздно проходящих, а иным и вредя. Седши там, святой играл на свирели молитву преподобного отца своего Никона, которой у того научился, и выгнал его оттуда беса. Бес же, приняв образ малого страшного эфиопа, побежал в овощницу и всех там перепугал и всю посуду перебил. Когда Симеон возвратился, то увидел жену овощника напуганную и унывшую; она рассказала ему:

– Какой-то мурин страшный и яростный, низкого роста, быстро вошел всех нас перепугал и всю посуду перебил.

А святой и сказал ей:

– Это я послал его на вас, за то, что вы не присоединяетесь к святой церкви (а они держались ереси Севира).

Женщина хотела, было, схватить юродивого и бить, но он, нагнувшись, захватил горсть земли и бросил ей в лицо и залепил землей глаза, крикнув ей:

– Воистину, не схватишь меня, пока не присоединишься к моей церкви, а если не захочешь присоединиться, опять придет к вам мурин.

С этими словами убежал из того дома. На другой день, опять в тот же час, бес, как и накануне, в образе эфиопа, вошел в то же овощное хранилище и сделал то же, что и первый раз. Тогда все живущие в том доме, не медля, присоединились к православной церкви. Также и еврей один, хулитель имени Иисуса Христа обращен был ко Христу преподобным Симеоном. Тот еврей (так как Бог указывал ему путь ко спасению) увидел раз моющего старца и двух ангелов, с ним беседующих и, поняв, что он угодник Божий, хотел объявить о нем (то, что видел) в народе. Святой же, явившись ему во сне, запретил кому бы то ни было рассказывать виденное. Еврей же, наутро, вышед на площадь не был в состоянии сохранить тайну; но когда он хотел обратиться к народу с рассказом о Симеоне, тотчас явился ему святой и коснулся его уст, изображая на них крест, и сделал его немым, а сам бежал от него, скача и играя среди народа, а жидовин оставался немым. Тогда он пришел к святому, кланяясь и поматыванием головы показал ему, что он должен креститься. После во сне старец явился ему, говоря:

– Или крестись, или оставайся нем.

Итак крестился еврей и, когда вышел из святой купели, тотчас стал владеть языком и начал прославлять Бога. Тогда привел он ко святому крещению и всех своих домашних.

Такой чистоты и бесстрастия достиг святой, что и, играя, среди женщин, пребывал, как чистое золото среди огня, и много раз бесстыдные женщины срамно щекотали его, влагая руки в его недра, но он оставался как будто мертвый, подобный бесчувственному дереву, освобожденный, по благодати Божией, от всякого естественного вожделения. Рассказывал он о себе ранее названному диакону Иоанну:

– Когда я был в пустыне и сначала имел много беспокойства от плотских страстей и молил Бога об облегчении брани, явился мне святой Никон с вопросом:

– Как живешь, брат?

А я отвечал:

– Жестоко страдаю, отче, и если ты мне не поможешь, не знаю, что и делать, потому что плоть сильно восстает на меня.

Старец с улыбкою зачерпнул воды из святого Иордана и вылив мне на живот, с крестным знаменiem, сказал:

– Вот и здоров ты.

И с тех пор перестал я ощущать плотское вожделение и во сне, и наяву.

Вот как рассказывал о себе блаженный тому дьякону. Будучи бесстрастен, он безбоязненно подходил к женщинам, и как в древности купина в Синае оставалась среди огня неопалимой (Исх., гл. 3), так он – от женского прикосновения; святой Симеон приходил в их среду, желая им спасения. Иногда он говорил какой-либо блуднице:

– Хочешь ли я буду иметь тебя подругою: я дам тебе 100 златиц, только не твори ни с кем греха.

С этими словами показывал блуднице золото, которое Бог давал ему невидимо, сколько он хотел. Блудницы же, издеваясь над ним, обещали не грешить ни с кем. Но он требовал от них клятвы. И если которая клялась остальное время сохранять себя чистой, давал ей золото; но потому, если не сохранив клятвы, она грешила, тотчас узнавал то святой, обличал ее и посылал на нее или какую-нибудь лютую болезнь, или беса, чтоб мучил ее, пока не даст истинных доказательств, что действительно покаялась. Но как только люди начинали считать его святым, он тотчас совершал нечто такое, что было явным доказательством не святости, а безумия; иногда он ходил хромя, а иногда прискакивая; иногда ползал по земле, задевая ноги проходящих; иногда же лежал на земле, колотя ногами. В новомесячие же притворялся бесноватым и падал, как одержимый бесом. И много иного, неприятного человеческим глазам и нелепого творил он, являя себя для всех безумным, чтобы никто не считал его святым. Однажды он святую четыредесятницу оставался без пищи, а в великий четверг, с утра, сидя на торговой площади, ел; видя это, проходящие говорили:

– Смотрите на этого безумца; он и великого четверга не почитает, а ест спозаранку.

Увидав его, дьякон Иоанн спросил:

– На сколько ты купил того, что ешь?

Он отвечал:

– На 40 медных.

Указывая прикровенно, что 40 дней не ел. Слыша о таком житии Симеона, один проживающий близ Эмессы, вельможа подумал про себя:

– Пойду, взгляну на него и узнаю, юродствует ли он ради Христа, или же на самом деле безумен.

Когда он пришел в город и был около жилища блудниц, увидел, что одна блудница носила старца на плечах, а другая била ремнем, и соблазнился он в своей мысли:

– Кто поверит, что этот лживый чернец не творит блуда с этими нечистыми женами?

Когда он так про себя думал, то был от юродивого еще на расстоянии брошенного камня; старец, оставив тех женщин, побежал к вельможе и, ударив его по лицу, открыл свою одежду и, показав, не стыдясь, свою умерщвленную плоть; скача перед ним, он спрашивал:

– Думаешь ли, окаянный, что тут может возникнуть похотение?

Тот удивился, что еще издали старец узнал его помысли и убедился, что он раб Божий, по своей воле юродствующий Христа ради, но не мог никому о том рассказать, хотя и хотел: ибо какою-то силою (как и других) удерживался язык его до кончины святого.

Бес опять вселился на одной улице в городе, в другом пустом доме; приблизившись к последнему, преподобный Симеон увидел беса, который готовился ударить, ожидая мимоходящего; тогда старец набрал небольших камней за пазуху, стал на противоположную сторону и во всех, желавших идти этим путем бросал камнем, не давая никому прохода: один же пес проскочил там и тотчас, пораженный бесом, начал источать пену.

Тогда святой говорил людям:

– Теперь проходите: ибо, вместо человека, поражен пес.

После того пришлось старцу идти мимо одного места, где веселилось множество девиц. Увидав его, девицы те начали издеваться над ним, крича:

– Монах! монах!

И зазывали его в свое собрание. Он же, желая наказать их бесчинство и сделать целомудреннее, помолился тайно в сердце своем Богу и скривил всем им глаза, так что каждая стала косою, а старец пошел дальше. Девицы же, почувствовав кривизну глаз своих, поняли, поняли, что это сделал юродивый и бежали вслед за ним, с плачем взывая:

– Поправь, юродивый, поправь глаза нам!

Они думали, что волшебством он сделал то. Настигнув старца, они схватили его и насильно заставляли:

– Развяжи, – говорили, – что связал.

А он, шутя, говорил:

– Если которая из вас хочет исцелиться, пусть даст поцеловать косые глаза и исцелее.

Некоторые из них, которых Бог хотел исцелить, соглашались, чтобы старец поцеловал их в очи, и от поцелуя они тотчас исцелялись, – глаза их становились такими же, как прежде. А те, которые погнушались старцем и не согласились, чтобы он их поцеловал, те остались не исцеленными и плакали. Когда старец ушел от них не очень далеко, те побежали за ним с криком:

– Подожди, юродивый, подожди, ради Бога, подожди! Целуй нас!

Но старец не слушал их. Так старец бежал, а девицы гнались за ним. ИЗ видевших это одни говорили:

– Играют с ним девицы.

А другие сочли их объюродевшими; святой говорил иным из зрителей:

– Если бы Бог не искривил им глаз, то они превзошли бы блудодеянием всех сирийских женщин; а теперь они не будут такими.

Однажды несколько Эмесийских горожан пошли в Иерусалим на праздник Пасхи. Когда они возвращались по домам, по окончании праздника, один из них отделился и направился в пустыню посетить святых отцов, чтобы сподобиться их молитв и благословения. Он обходил отеческие келлии с дарами, подавая милостыню из своего имущества. По Божью устроению, случилось ему встретить преподобного Иоанна, жившего близ Мертвого моря и Иордана и бывшего спостником святого Симеона; горожанин поклонился ему, прося его благословения и молитв. И сказал ему преподобный Иоанн:

– Имея в городе угодника Божия Симеона, именуемого юродивым, зачем ты у меня, убогого, просишь молитв; в его молитвах не только я, весь мир нуждается.

И, взяв того человека, он ввел его в свою келлию – и вот нашлась в его келлии предложенная невидимою рукой, посланная от Бога трапеза, необычная для пустыни: были тут и хлебы чистые, горячие, рыбы хорошие, вино и сосуд. И, севши, ели и, насытившись, благодарили Бога. После трапезы преподобный Иоанн, взяв три просфоры, тоже посланные Богом, дал тому человеку со словами:

– Передай это брату моему, Симеону юродивому и скажи ему: "Молись за брата своего Иоанна".

Когда же, возвратившись, человек тот входил в Емес, встретил его в воротах преподобный Симеон со словами:

– Здоров ли брат мой Иоанн? Не съел ли ты трех просфор, которые он послал мне в благословение?

И дивился возвращавшийся такой прозорливости. Старец же, взяв его в свое убогое жилище, предложил ему такую же, посланную Богом, трапезу, какую преподобный Иоанн предоставил ему в пустыни, при этом Симеон рассказал ему всё, о чем они беседовали с Иоанном в той пустыне, что пили и ели. Вышед от старца, муж тот, с ужасом много дивясь прозорливости старца, никому не смел рассказать о том, частью возбуждаемый Богом, частью стыдясь людей, так как знал, что не поверят ему: ибо все считали Симеона безумным, – его, кто был мудрее всех людей.

На вышеназванного диакона Иоанна однажды, по Божью попущению, пришла такая напасть: злодеи ночью совершили в городе убийство и, взяв труп убитого, бросили во двор диакона. Когда наступил день и нашли мертвеца в доме дьякона, прошел немалый говор: судья, схватив дьякона, судил его, как убийцу, и не нашлось свидетелей о его невинности, и он не мог оправдаться. Осужден был невинный дьякон на смерть – быть повешенным на дереве. Когда же вели его на место казни, он ничего другого не говорил, как только:

– Бог юродивого, помоги мне! Бог Симеона, предстань в час этот!

А Симеон в то время где-то в другом месте совершал свое юродство. Господь восхотел избавить невинного дьякона от такой напрасной и позорной смерти, – и вот один человек пришел к старцу и сказал:

– Юродивый! друг и благодетель твой диакон Иоанн осужден на смерть, и если он умрет, погибнешь с голоду: ибо никто больше не заботится о тебе.

И с этими словами рассказал, за что осудили его на смерть. Святой же тотчас пошел в тайное место, где привык в уединении молиться и которого никто не знал, кроме этого диакона; там, преклонив колена, он начал усердно просить Бога об избавлении диакона от смерти. И тотчас нашлись самые убийцы и поспешно были посланы от судьи конные вслед за поведшими дьякона на смерть, чтобы освободить невинного. И нашли их уж на месте, на котором должны были повесить дьякона. Отпущенный дьякон пошел не в свой дом, но прямо к тому месту, где молился святой Симеон и застал его еще не кончившим молитвы и стоявшим с поднятыми кверху руками; диакон в ужасе остановился неподалеку сзади святого Симеона: ибо видел (что после подтверждал с клятвою) пламя, подобно мечам, выходившее из уст святого и сияние огненное вокруг него, и не смел дьякон приблизиться к нему, пока он не кончил молитвы и огненное сияние не вознеслось к небу. Оглянувшись, святой сказал диакону:

– Что, брат Иоанн, чуть не испил ты смертной чаши? иди, молись, благодари Бога Избавителя: это искушение случилось с тобой ради того, что два нищих приходили к тебе, а ты имел, что дать, и не дал, но отвернулся от них и отпустил ни с чем. Разве это твое, что подаешь? или не веришь Сказавшему, что дающий нищему Бога ради, сторицею примет в нынешнем веке, а в будущем получит жизнь вечную; если веруешь, дай; если не даешь, ясно, не веруешь Господу.

Таковы были слова юродивого, или лучше, святого и преподобного мужа: ибо, когда он бывал с тем дьяконом наедине, то ничего юродского не делал, но с кротостью и сердечным сокрушением беседовал о полезном и много раз дьякон тот, слушая душеполезные слова святого, чувствовал великое благоухание, выходящее из его уст.

В одно воскресенье, с утра, после семидневного поста, святой Симеон, юродствуя, взял в правую руку сверченное мясо, по-гречески называемое элладой, по латыни люканикой, иначе колбасой, положил ее на плече, как дьяконский орарь, а в левой руке держал горчицу и, обмакивая элладу в горчицу, ел; приходившим к нему забавляться он мазал губы горчицею. И приблизился к нему один грубый крестьянин с больными глазами и с бельмом на одном из них. Святой Симеон вдруг помазал горчицею по его глазам. Закричал тот от сильной боли в глазах, произведенной крепкою горчицею. А юродивый сказал ему:

– Иди, безумец, умойся уксусом с чесноком и тотчас исцелеешь.

Но тот не послушав святого, пошел ко врачам, еще больше ослеп и сильнее заболел. После, раскаявшись, дал себе зарок: если бы даже выскочили глаза, выполнить, что прикажет старец. И когда он умыл глаза свои уксусом с чесноком, то в ту же минуту совершенно стал здоров глазами. После встретил его святой где-то на пути и сказал:

– Вот теперь здоров, не воруй же коз у соседа.

Так наказал святой крадущего, зная тайные дела человеческие. Украдено было у одного горожанина 500 златиц и печалился тот человек о погибшем своем золоте и старательно разузнавал о нем; был он жесток со своими рабами и бил их немилосердно. Однажды юродствующий старец встретил его на улице словами:

– Хочешь ли, чтоб нашлись твои златицы?

– Ей, ей! хочу, – отвечал тот.

– А что заплатишь мне? – спросил юродивый, – если тотчас найдешь золото.

Тот обещал 10 златиц.

– Не надо мне золота, но поклянись, что не будешь бить укравшего, – потребовал святой, – а и также никого другого.

И клялся ему горожанин. Тогда святой открыл ему:

– Пекарь твой украл златицы, но, берегись, не бей его и никого другого.

И вернулся человек тот в свой дом, нашел всё, как сказал ему святой и взял у раба своего пекаря золото целым и не бил его. После, когда хотел прибить кого-либо из рабов за какую-нибудь вину, болезненно одеревенела у него рука и не мог бить. Вспомнив свою клятву, пошел к юродивому, прося:

– Разреши клятву, юродивый, пусть свободно действует моя рука.

А тот, как бы не понимая, юродствовал. И много раз приходил к нему, докучая, чтобы разрешил от клятвы. Тогда явился ему святой в сонном видении со словами:

– Освобожу тебя от клятвы, но лишу и твоего золота и всё твое имение уничтожу. За что ты хочешь быть своих слуг, которые в будущем веке пойдут впереди тебя?

После того видения муж тот, пришедши в страх Божий, со всеми был кроток.

Чтобы люди не узнавали о таковых чудесах святого, он притворился бесноватым и как будто вследствие бесовского действия знающим, что творится втайне в людях; для этого ходил с бесноватыми, как один из них и, соболезнуя о них, своею молитвою из многих прогнал бесов; другие же бесноватые, или вернее всего бесы, поселившиеся в людях, роптали на него:

– О, юродивый! пренебрегающий всем миром, зачем пришел обижать нас? уйди отсюда; не наш ты; зачем всю ночь мучишь и жжешь нас?

Святой же, в притворном бесновании (ибо от Святого Духа всё знал) весьма многих людей обличал в их тайных грехах: иных в нечистоте, других в краже, третьих в клятвопреступлении: каждого во всяком его грехе. Обличал же иных отдельно, иных перед другими; третьим в притчах указывал из злые дела. да заглянут в свою совесть, а иных явно поносил за творимые ими беззакония. И так весь город удерживал от смертных грехов, приводя людей к сознанию и к покаянию. Многие же думали, что не от Бога, а чрез беса он знает их тайны, так что и самого считали за бесноватого. От этого иные из нераскаянных грешников боялись прийти к нему или встретиться с ним, но бежали от него, чтобы не быть изобличенными.

В то время в городе жила одна волшебница, чародейка, бывшая виновницей многих несчастий между людьми. Желая разрушить ее волшебства, преподобный стал часто приходить к ней, как будто дружась с ней, и приносил ей подаваемое ему съестное, и медницы и одежды. Раз он сказал ей:

– Хочешь я сделаю тебе такую вещь, что, если будешь носить ее, никто не сможет упрекнуть тебя и никакое зло не приблизится к тебе?

Она же, полагая, что юродивый знает нечто такое при содействии беса:

– Хочу, – говорит, – сделай.

Он взял маленькую дощечку, написал на ней по-сирски следующее:

– Да запретит тебе Бог отвращать более от Него людей.

Написав это, он дал дощечку жене, чтобы повесила ее на шею, а когда она сделала это, тотчас уничтожилась бывшая в ней волшебная сила, и волшебница переставала вредить и помогать кому бы то ни было.

Старец же, идя со своею нищею братиею, приблизился к печи, в которой приготавливают стекло. Работал здесь еврей. Сев около печи святой грелся, а еврей изготовлял склянки. Святой сказал друзьям своим нищим:

– Хотите я рассмешу вас?

Они, обратив к нему свои глаза, хотели видеть, что он будет делать. И когда еврей изготовил одну склянку, он издала осенил ее правой рукой, и тотчас склянка та расселась. Когда еврей приготовил другую склянку, расселась и та от крестного Симеонова знамения; так распались третья, четвертая и до седьмой, – и стали нищие хохотать и рассказали еврею, в чем дело. Еврей же, рассердившись, схватил головню и прогнал юродивого, ударяя его и опаяя. Юродивый же, удаляясь, кричал ему:

– О, нечистый! перебьются все твои склянки, пока не сотворишь креста на своем челе.

Когда еврей снова начал делать склянки, разбилось еще тринадцать, одна за другой. Он же, видя напрасными свои усилия, хоть и не желал, перекрестил лоб свой и перестали разбиваться склянки. Познав силу святого креста, еврей пришел тогда в святую церковь, и стал христианином, приняв святой крещение.

В то время заболел один из главнейших граждан, в дом которого преподобный юродивый привык приходить и играть. Этому гражданину, когда болезнь его очень усилилась, было такое видение: будто с каким-то мурином страшным он бросает игральные

кости и что между ними заклад: если у больного не выпадет три раза шестеричное число, то победа принадлежит мурину. И был больной в большом сомнении и страхе. Явился же больному Симеон юродивый, говоря:

– Истинно на этот раз одолеет тебя этот черный, но дай мне слово, что отселе не станешь осквернять ложа жены своей прелюбодеянием, и я кину за тебя и не одолеет тебя. он.

И поклялся, в видении, больной святому, что не будет прелюбодействовать. Святой взял, кинул кости, и три раза выпало по шесть, и удалился мурин от больного: последний, проснувшись, почувствовал облегчение от болезни. Юродивый, по обычаю, придя к нему в дом, пригрозил:

– Счастливо ты кинул три раза кости, но, поверь мне, если нарушишь клятву, мурин тот удавит тебя. С этими словами и всех укорив юродствуя, быстро ушел оттуда.

Имел у себя преподобный каморку ради покоя, а особенно ради ночных молитв и не было в ней ничего, кроме охапки хвороста. Там каждую ночь оставался на молитве до утрени, обливая слезами землю, а с наступлением дня сплетал себе венок из маслины или трав и, возложив себе на голову, а в руке держа ветвь, ходил по городу, крича:

– Торжество царю победителю и его городу!

В этих словах городом святой называл душу, а царем ум, господствующий над страстями, как он объяснил то другу своему, диакону Иоанну, к которому часто заходил тайно, подробно объясняя свои слова и поступки, клятвенно требуя, чтобы он никому ничего не говорил до самой его смерти. За два дня до смерти пришел он к этому Иоанну с такими словами:

– Нынче я ходил к возлюбленному моему брату Иоанну пустынножителю, с которым с самого начала отказался от мира и постригся, и нашел его сильно преуспевшим в добродетели и в совершенстве угодившим Богу и порадовался о нем: ибо видел его носящим на голове венец с надписью: венец пустынноческого терпения.

После того преподобный Симеон прибавил:

– Видел некоего славного, сказавшего мне: иди, юроде, иди ко мне и примешь не один, а много венцов за спасение многих душ человеческих.

Сказав это святой вздохнул и заговорил опять:

– Не знаю за собой ничего такого, что было бы достойно небесного воздаяния; ибо юродивый и лишенный разума, какую может получить награду, разве задаром, по Своей благодати, помилует меня мой Владыка? но молю тебя, брат, никого из нищих, особенно из иноков, не презирай и не укоряй; да знает любовь твоя, что многие из них очищены злостраданием и, как солнце, сияют перед Богом. Так и между простыми людьми, живущими в деревнях и возделывающими землю, ведущими жизнь в незлобии и правоте сердечной, которые никого не бранят, не обижают, но от труда рук своих в поте лица едят хлеб свой, много, между такими, великих святых: ибо видел их приходивших в город и причащающихся Тела и Крови Христовых и сияющих, подобно чистому золоту. Всё, что говорю тебе, господин мой, не подумай, что говорю из какого-нибудь тщеславия, но твоя любовь принудила не скрыть от тебя лености моего окаянного жития. Знай же, что и тебя Господь скоро возьмет отсюда: итак позаботься, сколько есть сил, о душе своей, чтобы иметь возможность без задержки перейти область воздушных духов и избегнуть лютой руки князя тьмы. Знает Господь Бог мой, что и я много печалюсь и имею великий страх, пока не перейду эти страшные места, где все человеческие дела и слова разбираются подробно. Потому-то и молю тебя, чадо и брат мой Иоанн, всячески старайся быть милосерд: ибо в тот грозный час милосердие может помочь нам больше всех других добродетелей, как написано: **"Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь"** (Пс.40:2). Соблюдай же и сие: не приступай к божественно службе, имея против кого-либо гнев, да не оскорбят твои грехи пришествие Святого Духа.

Об этом и о многом другом побеседовав с честным диаконом, преподобный Симеон молил его зайти через два дня в его убежище. И, ушедши от него, больше не показывался в городе, но безысходно пребывал до последней минуты своей кончины. Какова была его

кончина не знает никто, только Бог и ангелы его: ибо те обычно присутствуют при кончине нищих, совершенно оставленных людьми, как присутствовали на гноище, когда умирал Лазарь, как сказано в Евангелии: **"Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово"** (Лк.16:22). Итак, несомненно, что те же святые ангелы предстали в час блаженной кончины и сему Симеону, нищему духом и преподобному в действительности, и, тихо освободив праведную душу от чистого тела, понесли с песнями радости в небесные обители.

По прошествии двух дней, некоторые из тех нищих, что вели со святым Симеоном дружбу, не видя его за это время, подумали: не болен ли юродивый? И пришли в убежище его и нашли его под хворостом, лежащим мертвым и сказали:

– Вот юродствовал при жизни, и по смерти остался таким: ибо не лег на хворост, но под хворостом скончался.

И двое каких-то взяли тело его без омовения, без обычного пения, без свеч и ладана, и понесли похоронить его на том месте, где хоронят странных. Был же несен святой на погребение мимо дома того новокрещенного христианина, что прежде был еврей, делавший склянки, и он, слыша множество поющих приятнейшими голосами невыразимые песни, прислонился к окошечку и никого не видел, кроме двух человек, несущих тело юродивого на погребение, а голоса не переставали петь невидимо. Это ангелы Божии пели, и христианин тот ощущал необыкновенное благоухание, наполняющее воздух:

– Блажен ты, юродивый, – сказал он, – потому что, не имея людей, совершающих над тобой надгробное пение, имеешь небесные силы, почтившие тебя песнями и райскими благовониями окадившими тебя. И тотчас пошел с теми двумя человеками и понес честное тело и своими руками похоронил его между гробами странников и нищих и рассказал всем, как слышал ангельское пение над умершим вместе с неизглаголаным благоуханием. Диакон же Иоанн, пришедши в то помещение и, не найдя святого, всюду старательно искал его и горько плакал, узнав, что святой Симеон умер и погребен. И пошел ко гробу его, желая взять оттуда тело его и с почестью в почетном месте похоронить его и, когда открыли гроб, не нашли тела святого: ибо Господь со святыми Своими ангелами, переложил его на неведомое людям место. Тогда все жители Емесийского города, как бы проснувшись, начали вспоминать и друг другу рассказывать чудесные дела Божия угодника, и пророчества, и многострадальное житие его. Тогда поняли, что юродивый не был безумным, но был мудрее всех мудрецов нашего времени и, считаемый грешником, был праведен и преподобен, путем юродства и греховности прикрывая перед людьми свое богомудрое и богоугодное житие. Таково было житие и таковы подвиги сего чудесного Симеона, юродствовавшего Христа ради, который, как древле Лот, живя среди содомлян, не загрязнился их грехами (Быт., 19 гл.); так и этот новый Лот, живя среди мира, на заразился мирскими страстями. Скончался преподобный Симеон месяца июля в 21 день, а после него и преподобный Иоанн, сопостник его в Иорданской пустыне, почил блаженною кончиною¹⁶. И как вместе начали служить Господу, так и на небе вместе предстали пред престолом Божиим. Житие же обоих было рассказано праведными устами Симеона диакону Емесийской церкви Иоанну; а этим диаконом верно и справедливо передано великому между отцами святому Леонтию, епископу Кипрского Неаполя; а он передал письму на пользу читающих и слушающих, во славу Христа Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

¹ Св. Иустиниан I – император 527-565 гг.

² Иерусалим – древнейший и знаменитейший город земли Обетованной – лежит почти в середине последней, по западной стороне Иордана, в 12 часах пути от Средиземного моря и 8 от Иордана, на отрогах трех иудейских гор Акра, Сион и Мориа.

³ 14 сентября.

⁴ Сирия (высокая), в еврейском тексте означает словом Арат, под которым разумеется Сирия и Месопотамия вместе, – всё пространство от реки Евфрата до Средиземного моря и от Таврских гор до Аравии.

⁵ Во время этого путешествия Симеона с Иоанном по святым местам, Симеону шел 31 год.

⁶ Иордан – единственная полноводная, не высыхающая река Палестины.

⁷ Т.е. Вочеловечившегося Сына Божия, Христа Спасителя. Ср. Пс.44.

⁸ Мертвое море – внутреннее солено озеро в юго-восточной части Палестины; длина его с севера на юг 76 км, ширина – около 3,5 – 16 км; полуостров Лисан делится на два бассейна; северный бассейн более глубок, чем южный. Вода Мертвого моря насыщена солями (около 25%) до такой степени, что рыбы не могут жить в ней. Удельный вес воды настолько высок, что попадающие в воду органические тела не тонут в ней. На значительное пространство кругом моря земля покрыта солью. На месте Мертвого моря находилась плодородная долина Сиддим с городами Содомом и Гоморрой.

⁹ Эдесса – нынешняя Урфа, город на севере Месопотамии на реке Евфрате, с 137 г. до Рождества Христова главный город вновь образовавшегося Озроенского или Эдесского государства; в 217 г. по Р. Хр. Эдесса превращена римлянами в восточную колонию; в Эдессе рано появилось христианство; в IV в. св. Ефремом Сирином здесь была основана богословская школа, в V в. склонившаяся к несторианству, в пользу которого много действовал учитель эдесской школы пресвитер Ива. В 641 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 г. ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 г. Эдесса была покорена турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 г. окончательно не подпала под власть Турции.

¹⁰ Т.е. проведет душу его матери невреждимою среди мытарств. Мытарства – нечто в роде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к престолу небесного Судии. При них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в поставлении им на вид противоположного этому греху доброго дела. Название мытарства и мытари заимствованы из истории еврейской. Мытарями у евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей. Они, обыкновенно, брали на откуп собиравшие эти пошлины и употребляли всевозможные меры, не пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Мытари стояли при особых таможах или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались мытницами, мытарствами. Христианские писатели это название перенесли и на места воздушных истязаний, при которых восходящие к престолу небесного Судии души задерживались злыми духами, старающимися уличить их во всевозможных грехах и через это низвести во ад. Сущность учения о мытарствах заключена в слове св. Кирилла Александрийского (Ум. 444 г.) о исходе души, помещаемом обыкновенно в Следованной Псалтири. – "При разлучении души с телом, – говорится здесь, – предстанут пред нами, с одной стороны воинства и силы небесные с другой – власти тьмы, воздушные мытареначальники, обличители наших дел. Узрев их, душа содрогнется, вострепещет, и в смятении и ужасе будет искать себе защиты у ангелов Божиих; но и будучи принята ангелами и под кровом их протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встретит различные мытарства, кои будут преграждать ей путь в Царствие небесное, будут останавливать и удерживать ее стремление к нему. На каждом из этих мытарств потребует отчет в особенных грехах... Каждая страсть, всякий грех будут иметь своих мытарей и истязателей. При том будут присутствовать и божественные силы и сном нечистых духов; и как первые будут указывать на добродетели души, так вторые – обличать ее грехи... И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною (награды), то ее воспримут ангелы, и тогда она уже необязанно потечет к Царствию Напротив, если окажется, что она проводила жизнь в нерадении и невоздержании, то услышит они страшный глас: да возмется нечестивый, да не видит славы Господней (Ис.26:10); тогда оставят ее ангелы Божии и возьмут страшные демоны, и душа, связанная неразрешимыми узами, низвергнется в темницы адские". Таким образом мытарства суть не что иное, как частный суд, который совершает над человеческими душами Сам Господь при посредстве ангелов, допуская к тому и **клеветников братий наших** (Откр.12:10), злых духов, – суд, на котором припоминается душе и беспристрастно оцениваются все ее дела и после которого определяется известная участь. Суд этот называется частным в отличие от всеобщего, который будет совершен над всеми людьми, при кончине мира, когда Сын Божий снова придет на землю, но уже в славе Своей.

¹¹ Голгофа – лобное место или холм, на котором был распят Господь Иисус Христос. Еврейское глаголет, – откуда наше Голгофа, – означает лоб, череп, вероятно холм так назывался за свою лобообразную форму; древнее, глубоко знаменательное предание, объясняет это название тем, что здесь был погребен Адам, так что крест Христов был воздвигнут над головой покоящегося праотца рода человеческого. Во время смерти Господа Иисуса холм находился еще вне Иерусалима (Мф.27:33; 28:11; Евр.13:12 и дал.). Восстановленный после своего разрушения Иерусалим распространился главным образом на север и северо-запад, так что Голгофа оказалась почти в середине западной части нового Иерусалима. И теперь показывают расселину в скале т.н. Голгофской горы, произведенную землетрясением в момент смерти Христа Спасителя (Мф.27:51). Св. Кирилл Иерусалимский говорил (около 350 года): "Эта св. Голгофа, видимо и доселе возвышающаяся, служит до настоящего времени свидетельством того, что в момент, когда умер Господь, расселась скала."

¹² Север – патриарх антиохийский (512-518 гг.), видный и горячий приверженец монофизитской ереси, состоящей в утверждении, что Господь Иисус Христос, хотя рожден из двух природ или естеств, но не в двух пребывает, так как при воплощении Сына Божия человеческая природа, воспринятая Богом Словом стала только принадлежностью Его Божества, утратила свою действительность и лишь мысленно может отделяться от нее.

¹³ Св. Маврикий – император 582-602 гг.

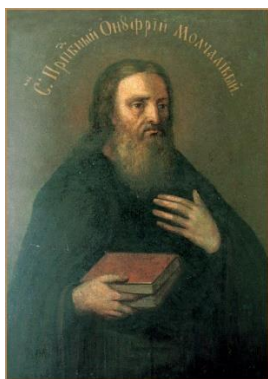
¹⁴ Город Антиохия для христианской церкви имеет особенно важное значение как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как первая христианская церковь из язычников. Антиохия основана была

за 300 лет до Рождества Христова сирийским царем Селевком Никатором, который основал и еще более десяти городов с именем Антиохии, чем он желал увековечить имя отца своего Антиоха. А эта столичная Антиохия, для отличия ее от прочих, называлась Антиохия Епифанна, т.е. близ храма и роши Дафны; она также отличалась названием Антиохия на Оронте, по имени реки, на берегу которой она находилась верстах в 10 от впадения в Средиземное море.

¹⁵ Ориген – знаменитый учитель александрийской церкви, чудо своего века по уму и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при жизни, был осужден как еретик на двух местных александрийских соборах и по кончине – на константинопольском соборе 543 г. Не высказывая своих неправославных мнений в качестве непреложных истин, Ориген, тем не менее, неправомыслил о многих истинах вероучения христианской церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он не правомыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенно число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов, с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим тем действие на освобождение ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Не правомыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни: например, о том, что диавол может спастись, и в толковании св. Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле в ущерб историческому смыслу Писания. Но, во всяком случае, заслуги Оригена перед Церковью более значительны и покрывают его заблуждения. В своих школах он воспитал много замечательных отцов и учителей Церкви, из коих некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны его труды по изучению св. Писания, – истолкованию, а главное, – по восстановлению и очищению подлинного текста; замечательны и сочинения Оригена, направленные к защите христианства против его врагов и еретиков. В гонение Декия Ориген удостоился славы мужественного исповедника Христова, скончался семидесятилетним старцем в Тире в 254 году.

¹⁶ Кончину святых мужей относят приблизительно к 590 году.

Онуфрий молчаливый и Онисим затворник, Печерские

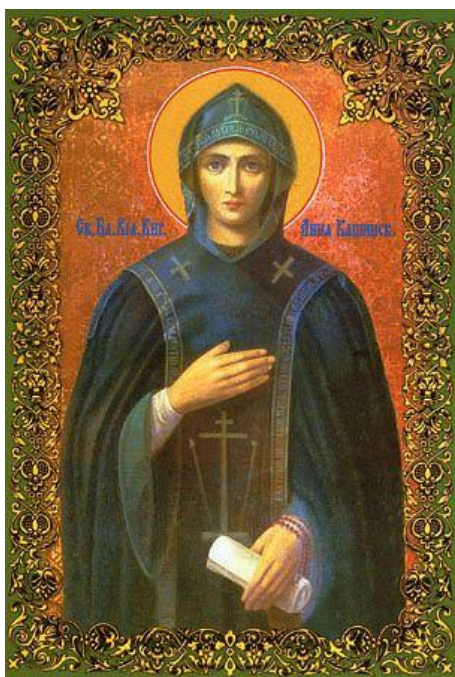
Преподобный Онуфрий молчаливый, Печерский, подвизался в Ближних (Антониевых) пещерах в XII веке. Вторично память его совершается 28 сентября/11 октября, в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер.

Преподобный Онисим Печерский (XII-XIII вв.), подвизаясь в Киево-Печерской лавре, затворился в Ближних пещерах. Святые мощи преподобного погребены на месте его подвигов. Память его совершается также 28 сентября/11 октября, в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Анна Кашинская, преподобная, благоверная княгиня – прославление

Дни памяти

25 июня - Перенесение мощей (1650) и второе прославление (1909)

13 июля (переходящая) - Собор Тверских святых

21 июля - Обретение мощей

15 октября

Св. блгв. княгиня Анна Кашинская (1280-1368), супруга тверского князя Михаила, пережила гибель мужа и сыновей в Орде, разорение Твери. Приняв монашество, стала образцом терпения и веры. Её гробница в Кашине прославилась чудесами в XVII веке, но канонизация была приостановлена из-за раскола. В 1909 году почитание восстановлено.

Святая благоверная княгиня Анна Кашинская, дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, в 1294 году стала супругой святого благоверного великого князя Михаила Ярославича Тверского (он был замучен татарами в Орде в 1318 году; память 22 ноября/5 декабря). После страдальческой кончины мужа Анна удалилась в Тверской Софийский монастырь и приняла постриг с именем Евфросиния. По просьбе своего сына, кашинского князя Василия Михайловича, перешла на жительство в Кашинский Успенский монастырь, где приняла схиму с прежним именем своим Анна. Св. Анна имела кроме Василия, еще трех сыновей: Дмитрия и Александра, повторивших исповеднический подвиг отца своего, и Константина. Дмитрий Михайлович (Грозные очи) был убит в Орде 15 сентября 1325 года, а Александр Михайлович, князь тверской, вместе с сыном Феодором – 29 октября 1339 года. Преподобная скончалась 2 октября 1338 года (по другим источникам, в 1368 г.) и погребена в Успенском Кашинском монастыре.

С годами Успенский храм обветшал, сквозь зияющий пол открылась гробница святой княгини Анны, память о которой со временем изгладилась в народе. Не зная, чья гробница находится в храме, прихожане ставили на гробницу вещи, клали одежду. В 1611 году, в Смутное время, благоверная княгиня Анна явилась тяжело больному пономарю Успенского храма Герасиму, исцелила его от болезни и велела передать соборному протопопу Василию и жителям города Кашина, что Господь по ее молитвам сохранит город от литовцев, разорявших в то время северо-западную Русь. Благоверная Анна повелела чтить ее память и возжечь лампаду пред иконой Спаса Нерукотворенного, которая находилась над местом ее упокоения. С той поры кашинцы стали благоговейно хранить и почитать гробницу святой княгини Анны. При гробе ее неоднократно совершались исцеления больных.

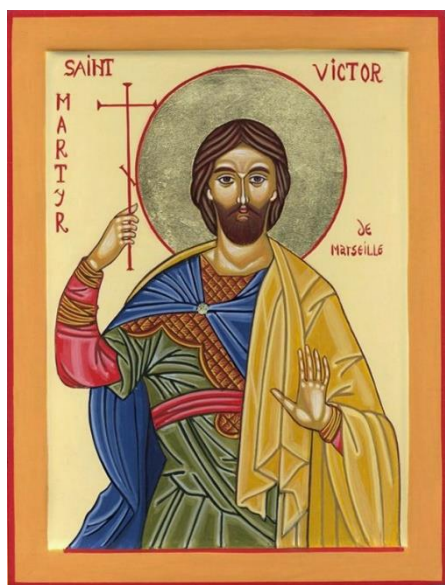
В царствование Алексея Михайловича (1645–1676) и при патриархе Московском и всея Руси Иосифе (1642–1652) жители Кашина ходатайствовали об открытии нетленных мощей покровительницы своего города. Святейший Патриарх Иосиф благословил архиепископа Тверского Иону свидетельствовать мощи благоверной княгини Анны, что и было исполнено 21 июля 1649 года. Святые мощи благоверной княгини Анны были обретены нетленными. В том же году Собор Русской Православной Церкви причислил благоверную княгиню Анну к лику святых. Торжественное перенесение ее мощей из деревянного Успенского собора в каменный Воскресенский состоялось 12 июня 1650 года.

Но в 1677 году патриарх Иоаким поставил вопрос на Московском Соборе об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола,

использующего имя Анны Кашинской в своих целях. В 1909 году, 12 июня, произошло восстановление церковного почитания святой Анны. Поэтому память преподобной Анны Кашинской совершается трижды в год: 2/15 октября – в день преставления, 21 июля/3 августа – на обретение честных мощей и 12/25 июня – вторичное ее прославление и установление повсеместного празднования.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Память св. мч. Виктора Марсельского¹

Мч. Виктор Марсельский (ок. 290 г.) – римский офицер, пострадавший за веру при императоре Максимиане. Открыто обличая язычество, он был арестован, проволочен по улицам Марселя и заключён в темницу, где обратил ко Христу трёх воинов (Лонгина, Александра и Фелициана), сразу казнённых. Сам Виктор принял мученическую смерть, раздавленный жерновом.

Славный воин Христов родился в III в. и происходил из знатной семьи гор.Марселя. Став военным, он храбро и верно служил императору.

Когда Максимиан прибыл в Марсель, чтобы преследовать христиан, Виктор, не скрывая своей веры, отказался от жалованья и стал воодушевлять христиан, товарищей по оружию, не бояться тех, кто убивает тело,

чтобы удостоиться Небесной награды. Денно и ночью он ходил из дома в дом, воодушевляя христиан на подвиг во имя веры, и провожал мучеников до места казни. Вскоре его самого схватили и в оковах привели к императору.

Св.Виктор остался непоколебим как перед угрозами, так и перед лживыми обещаниями тирана. Он обосновал бесплодность поклонения идолам и объявил, что лишь Христос – истинный Бог. Император велел протащить его по улицам и отдал на поругание черни. Но святой с еще большей силой провозгласил о своей вере. Тогда его подвесили на дыбе, и в этот миг ему явился Господь с крестом в руках и пообещал венец вечной славы. На следующую ночь его темницу посетили три Ангела – и три стражника, Александр, Лонгин и Феликиан, потрясенные необыкновенным зрелищем, обратились ко Христу. Они крестились и приняли мученическую смерть еще прежде наставника.

Три дня спустя св. Виктор вновь предстал перед судом и ударом ноги опрокинул статую Юпитера, которой его принуждали поклониться. Разъяренный Максимиан приказал отсечь мученику ступню, а затем бросить между мельничных жерновов, чтобы перемолоть как пшеницу Христову. Но орудие казни сломалось, и воина Христова пришлось умертвить, отрубив ему голову. Когда меч коснулся его шеи, раздался голос с небес: «Виктор, ты победил!»

Тела мучеников были сброшены в море. Однако христиане нашли их и похоронили в крипте, выдолбленной в скале². Впоследствии по молитвам к мученику Виктору

¹ Включен в месяцеслов Русской Православной Церкви Священным Синодом 9 марта 2017 г., журнал № 14.

² Ок. 415 г. св. Иоанн Кассиан основал над могилой мученика монастырь, посвященный св. Виктору. Благодаря этому распространилось почитание святого, а монастырь стал колыбелью монашества в Галлии.

совершились многочисленные чудеса, и его стали почитать святым покровителем гор. Марсея.

Молитвами святых Твоих, Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Аминь.

*«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители
Симонопетра.*